

Кэрол Мортимер Испытание верностью

OCR and Spellcheck: ReZeDa

«Испытание верностью»: Радуга; Москва; 2007

ISBN 978-5-05-006736-4

Аннотация

Габриэлла Бенито влюбилась в своего сводного брата Руфуса Грешема с первого взгляда, но он разбил ее девичьи мечты.

Пять лет спустя они, несмотря на взаимную неприязнь, вынуждены пожениться, чтобы исполнить последнюю волю отца Руфуса. Ведь в случае отказа оба теряют все.

Кэрол Мортимер Испытание верностью

ПРОЛОГ

– Что ты делаешь, черт побери?

Габриэлла подняла длинные угольно-черные ресницы и посмотрела фиалковыми глазами на Руфуса – мужчину, в которого она влюбилась год назад, когда ее мать вышла замуж за его отца. В свои восемнадцать лет она надеялась, что он ответит ей взаимностью.

Девушка услышала, как его взятая напрокат машина подъехала по усыпанной гравием дорожке к вилле семьи Грешем на Майорке. Вилла «Буген-виллея» была расположена на склоне горы, откуда открывался прекрасный вид на деревню и Средиземное море.

Вместо того чтобы побежать его встречать, она заставила себя успокоиться и осталась лежать в шезлонге. Габриэлла быстро поняла, что бегать за таким мужчиной, как Руфус, бесполезно. Нужно ждать, пока он сам к тебе не подойдет, даже если при виде него у тебя подгибаются колени.

Руфус стоял в дверном проеме, ведущем на террасу. Из-за послеполуденной жары ему пришлось снять пиджак. Его длинные светлые волосы на солнце отливали золотом, бледно-зеленые глаза были скрыты за стеклами темных очков.

Его вопрос и недовольно искривленные губы сказали ей, что ему было неприятно видеть ее в одиночку загорающую на террасе в крошечном оранжевом бикини.

В этом не было ничего удивительного. Обычно Руфус либо относился к ней как к назойливому ребенку, либо вообще ее игнорировал. А ей хотелось, чтобы он видел в ней желанную женщину.

– Загораю, а что, не похоже? – с улыбкой ответила Габриэлла, лениво потягиваясь. От этого движения ткань бюстгальтера плотнее обтянула ее полную грудь, и сквозь нее проступили возбужденные соски.

– Значит, загораешь, черт побери, – язвительно произнес он. – Будь добра, надень что-нибудь попримечнее, – отрезал он, заходя на террасу.

– Зачем мне одеваться, когда меня никто не видит, кроме тебя? – ответила Габриэлла, провоцируя его.

Действительно, зачем, подумал Руфус, радуясь, что темные очки скрывали его глаза, взгляд которых скользил по телу Габриэллы, блестящему от масла для загара.

У нее было стройное, без изъянов тело перед которым было трудно устоять. В этом он убедился на собственном опыте, когда Габриэлла год назад ворвалась в его жизнь, даже не пытаясь скрыть свой интерес к нему.

Но он, в свои тридцать лет, не собирался потакать этому интересу.

По крайней мере до тех пор, пока несколько минут назад не вошел на террасу и не увидел ее.

– Сюда мог войти любой и....

– Но вошел ты, – ответила Габриэлла. – Кроме того, женщины на деревенском пляже носят не больше одежды, чем я. – Она нахмурилась.

Руфус знал, что в это время суток деревенский пляж был полон женщин, загорающих в бикини и топлесс. Но они же не находились наедине с мужчиной, в которого были влюблены!

– Где родители? – нетерпеливо спросил он.

По крайней мере, присутствие его отца и матери Габриэллы, его мачехи, могло бы облегчить положение. Даже несмотря на то, что ему было так же неприятно видеть Хитер в роли своей мачехи, как это прелестное создание в роли своей сводной сестры.

Он приехал сюда на пару дней лишь для того, чтобы повидаться с отцом на обратном пути из своей командировки в Испанию.

– Джеймс сегодня собирался в Пальму, чтобы купить моей матери что-нибудь экстравагантное на годовщину их свадьбы. Они должны вернуться через пару часов. – Габриэлла слегка приподнялась и бросила на него манящий взгляд из-под ресниц. – Они ждали тебя утром, но ты все не приезжал, и Джеймс позвонил в аэропорт, где ему сказали, что твой рейс был задержан на три часа. Поскольку у Маргариты сегодня выходной, я сказала, что могу остаться дома и подождать тебя.

Черт побери, в этом доме даже экономка играла роль сводни!

– Не сердись. – Габриэлла неуверенно посмотрела на него, чувствуя его недовольство. – А может, просто все дело в том, что ты устал с дороги? – участливо спросила она. – Почему бы тебе не искупаться? – От ее хриповатого от природы голоса у него по спине побежали мурашки. Габриэлла

Мария Лючия Бенито. Дочь Хитер и покойного Антонио Бенито. От своего отца-итальянца Габриэлла унаследовала фиолетовые глаза, вьющиеся черные волосы и оливковую кожу.

Ее мать, жившая вместе с дочерью в арендованной квартире, была вынуждена работать секретаршей у Джеймса, чтобы содержать их обоих. По мнению Руфуса, Хитер вышла замуж за его отца только из-за того, что он был миллионером и владельцем престижного магазина в Лондоне, славившегося во всем мире своей эксклюзивностью. Он не сомневался, что дочь Хитер, чувственная красавица Габриэлла, видела в нем, единственном сыне и наследнике Джеймса, подходящего кандидата на роль своего будущего мужа.

Вот только с этим была одна маленькая проблема: Руфус не собирался повторно жениться. Его бывшую жену Анджелу тоже интересовали только деньги Грешемов. Она ушла от него всего через год после свадьбы, бросив двухмесячную дочку.

В результате скандального развода полгода спустя Руфус был вынужден отдать Анджеле половину своего состояния, чтобы получить право опеки над дочерью. В это время его отец, не вынесший урока из печального опыта сына, решил жениться на привлекательной пятидесятилетней вдове с семнадцатилетней дочерью и уйти на пенсию, передав все свои дела Руфусу.

Стоило только высокой, грациозной от природы Габриэлле однажды увидеть Руфуса, как она начала лезть из кожи вон, чтобы он разглядел в ней женщину. Ее голодный взгляд преследовал его повсюду. Но Руфус был твердо убежден, что даже если он соберется когда-нибудь снова жениться, то Габриэлла Мария Лючия Бенито, какой бы соблазнительной она ни была, будет последней, кого он выберет на роль своей спутницы. Одной охотницы за состоянием в семье было вполне достаточно.

– Думаю, ты права, – произнес он, начав расстегивать рубашку. – Ты сказала, что родители вернутся лишь через пару часов?

– Да, – хрипло ответила Габриэлла, тайком наблюдая за тем, как он снимает рубашку с загорелого мускулистого торса, расстегивает ремень и молнию на брюках, скрывающих длинные стройные ноги.

Его черные трусы-шорты скрывали больше, чем плавки, но Габриэлла покраснела, увидев, как он был возбужден.

Руфус хотел ее! Тяжело сглотнув, она перевела взгляд на его суровое лицо.

Опустившись рядом с ней на шезлонг и нечаянно задев бедром ее бедро, он протянул:

– Ты не могла бы намазать мне спину маслом?

Ее руки слегка дрожали, когда она налила немного масла на ладонь, а затем начала водить ею по его широкой спине, чувствуя, как напрягаются и расслабляются его мышцы.

Никогда, даже в самых смелых своих мечтах, Габриэлла не делала этого. Не касалась его, не чувствовала, как разливается тепло между ее бедер и нарастает сексуальное напряжение.

– Теперь спереди. – Перевернувшись на спину, Руфус снял очки и посмотрел на нее. От его оценивающего взгляда, блуждающего по ее телу, у нее перехватило дыхание. – Ниже, – промурлыкал он, положив ладонь ей на бедро.

Габриэлле бросило в жар. Прежде чем начать втирать масло в его мускулистый живот, она отвела взгляд.

– Ниже, Габриэлла.

А еще строишь из себя искушенную женщину, подумала она, дрожащей рукой наливая себе на ладонь масло.

– Да, здесь, – одобрил Руфус, когда она начала водить ладонью по его животу и бедрам.

Затем ее руки скользнули вниз по его длинным ногам, и он облегченно вздохнул. Впрочем, чувство облегчения продлилось недолго. Ее прикосновения сводили его с ума. Ему хотелось заняться с ней любовью.

Но он не должен был этого делать... и не станет. Он лишь будет к ней прикасаться, как она к нему.

– А теперь твоя очередь, – пробормотал Руфус, приподнимаясь и толкая ее на шезлонг.

Пристально глядя ей в глаза, он неспешно налил масла себе на ладонь. Затем его руки скользнули по ее телу, и она застонала от наслаждения. Ее возбуждение передалось и ему.

Когда Габриэлле начало казаться, что она больше не выдержит, Руфус отстранился. Его глаза потемнели от желания.

– Ниже? – хрипло произнес он.

Она не могла дышать, не то что говорить. Ответом ему стал взмах длинных ресниц. Добавив еще немного масла, он скользнул руками по ее тонкой талии.

Габриэлла почувствовала, как ее захлестнула волна желания. Тая под его страстным взглядом,

она задвигала бедрами и, не в силах устоять перед ним, зарылась пальцами в его волосы и притянула к себе.

За всю свою жизнь она никогда не испытывала ничего подобного. Все ее романтические мечты о Руфусе не имели ничего общего с реальностью. Она не ожидала, что ее тело будет так реагировать на его прикосновения.

Девушка еще никогда не чувствовала себя такой счастливой, как в эти минуты. Она знала, что Руфус не стал бы так к ней прикасаться, если бы не любил ее.

Она мечтательно улыбнулась, представив себе их счастливое будущее с Руфусом. Она станет его женой. Как удивятся ее мать и Джеймс, когда обо всем узнают. Они...

– Неплохо, Габриэлла, – мягко произнес Руфус. В его взгляде больше не было огня страсти. Одна лишь холодная насмешка. – У тебя отзывчивое тело, – небрежно заметил он. – Но я думаю, что тебе лучше уйти и надеть что-нибудь приличное, пока не вернулись родители. Ты же не хочешь их огорчить.

Девушка растерянно посмотрела на него. Только что Руфус доставил ей наивысшее наслаждение, которого она не представляла себе даже в самых смелых мечтах. Они не занимались любовью, но возникшая между ними близость должна была что-то для него значить.

– Я пойду искупаюсь. – Лениво потягиваясь, Руфус встал. – После этого я бы что-нибудь съел.

Что-нибудь съел? Как мог он после того, что произошло, спокойно думать о еде?

– В чем дело, Габриэлла? – Он бросил на нее холодный оценивающий взгляд. – Ты еще не удовлетворена? – Его губы скривились в усмешке. – Позволь мне искупаться и немного перекусить. Может, после этого я захочу предложить тебе больше.

– Почему ты так со мной? – обиженно произнесла девушка.

Ее фиолетовые глаза были полны слез.

– Как так? – отрезал он, не собираясь попадаться на ее уловку.

Его бывшая жена Анджела всякий раз прибегала к помощи слез, когда хотела добиться своего. Крокодилы слезы обманчивы. Им нельзя верить.

Габриэлла ошеломленно уставилась на него.

– Но мы ведь только что...

– Не мы, Габриэлла, а ты, – поправил он. – В течение целого года ты мечтала о том, чтобы я к тебе прикоснулся. Я это сделал, – он пожал плечами. – Тебе не на что жаловаться.

Она покачала головой.

– Я не понимаю...

– Габриэлла, я провел в дороге семь часов, – нетерпеливо напомнил он. – Я устал и проголодался. Если ты хочешь большего, тебе придется ждать, пока я не удовлетворю другой свой аппетит.

Поднявшись, девушка поправила бюстгальтер, затем ответила:

– Но я думала... – она покачала головой. – Я думала, что мы с тобой...

– Что ты думала? – Его терпение окончательно лопнуло. – Что сможешь меня соблазнить, как твоя алчная мать соблазнила моего глупого отца? Что я после этого на тебе женюсь? – с сарказмом произнес он. – Можешь об этом забыть, Габриэлла. Я уже дал тебе все, что ты заслужила. – Его губы искривились в презрительной усмешке. – Если хочешь повторить, пожалуйста, я к твоим услугам. Но позже, не сейчас.

Габриэлла снова посмотрела на него полными слез глазами.

Она любила этого мужчину и думала, что это было взаимно. Но его реакция на ее прикосновения оказалась чисто физической, и он полностью себя контролировал, когда доводил ее до экстаза.

Хуже всего было то, что Руфус считал ее мать алчной и расчетливой, когда на самом деле она была замечательной женщиной, претерпевшей множество лишений в первом браке. Хитер заслуживала счастья, которое ей наконец удалось обрести с Джеймсом.

– Руфус, неужели ты правда думаешь, что моя мать... Она очень любит твоего отца! – возмущенно воскликнула Габриэлла.

– Еще бы! – цинично ответил мужчина. – Разве можно не любить мужчину с миллионным состоянием?

– Но она правда его любит! – неистово возразила девушка.

– Ну разумеется, – фыркнул он. – И поэтому она попросила его заплатить ее долг в сто тысяч фунтов еще до того, как они были женаты? Тебе не кажется, что это многовато?

– Что? – Габриэлла раскрыла рот от изумления. – Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Перестань, Габриэлла, – он устало вздохнул, – меня бесполезно разубеждать. Лучше смиришься тем, что я знаю о долгах твоей матери.

Она действительно не знала, о чем он говорил. Наверное, это была какая-то ошибка. Ее мать никогда бы...

– Ты просто ожесточен из-за Анджелы. Ни для кого не секрет, что она вышла за тебя замуж только из-за... – Габриэлла внезапно замолчала, поняв, что перегнула палку. Руфус угрожающе навис над ней. Его лицо помрачнело.

– Ну? – настаивал он. – Из-за чего вышла за меня Анджела?

Мать предупреждала ее, чтобы она не заговаривала с Руфусом о его бывшей жене. Но он оскорбил Хитер, и в его обвинениях не было ни капли правды. У ее матери не могло быть таких огромных долгов!

Она покачала головой.

– Не все женщины такие, как Анджела.

– Неужели? – цинично возразил Руфус. – Значит, ты отрицаешь, что последний год ты только и делала, что вешалась на меня?

Щеки Габриэллы покраснели. Она действительно бегала за ним с того самого момента, как впервые его увидела, но лишь потому, что была в него влюблена, а вовсе не из меркантильных соображений.

Руфус окинул ее насмешливым взглядом.

– Ты отрицаешь, что осталась здесь специально для того, чтобы меня соблазнить?

Она не могла и это отрицать, но поступила так лишь потому, что все ее предыдущие попытки привлечь его внимание ни к чему не привели. Теперь она знала причину его холодности. Он считал, что ей были нужны лишь его деньги.

Габриэлла решительно покачала головой.

– Я не верю ничему из того, что ты сказал про мою мать.

– Тогда спроси ее обо всем сама, Габриэлла, – язвительно произнес Руфус. – Я вот только не понимаю, зачем мой отец женился на Хитер, если он уже заплатил все ее... – Он недоговорил, потому что в этот момент она влепила ему пощечину.

В следующую секунду он резко схватил ее за запястье и притянул к себе. Его глаза сверкали от ярости, на щеке проступило красное пятно.

– Если ты сделаешь это еще раз, Габриэлла, то обещаю, что пожалеешь об этом, – процедил он сквозь зубы.

– Я тебя ненавижу! – тяжело дыша, воскликнула девушка.

– Отлично, – довольно ответил он. – Надеюсь, теперь ты вычеркнешь меня из списка кандидатов в мужья.

– Я не подойду к тебе, даже если ты останешься последним мужчиной на земле, – заверила его она.

– Как оригинально! – усмехнулся Руфус.

– Ты мерзавец! – бросила ему в лицо Габриэлла. – И я тебя ненавижу! – С этими словами она вырвалась и побежала в дом.

Прежде чем нырнуть в воду, Руфус в растерянности простоял несколько минут на краю бассейна.

Габриэлла возненавидела его.

Отлично.

Тогда почему это не доставляло ему желаемого удовольствия?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда пять лет спустя Габриэлла посмотрела на Руфуса, стоящего рядом с ней в кабинете нотариуса, она поняла, что по-прежнему его ненавидит.

– Вы позволите мне перейти непосредственно к завещанию мистера Грешема? – вежливо спросил Дэвид Брюстер, когда все расселись.

– Можете приступать, – сказал Руфус.

Габриэлла знала, что он не хотел ее здесь видеть. Впрочем, как и своего кузена Тоби, если судить по тому, как холодно мужчины обменялись приветствиями.

Ей совсем не хотелось здесь находиться, но она знала, что Руфус не поверил бы ей.

Жаль, что Джеймс умер и больше не мог оказывать ей поддержку, в которой она так отчаянно нуждалась после того, как год назад ее мать погибла в автокатастрофе.

Смерть Хитер опустошила Джеймса, и он так и не смог полностью оправиться от удара. Через

полгода у него случился инфаркт, затем, месяц назад, еще один, ставший фатальным.

Они с Руфусом не разговаривали почти пять лет, и это продлилось бы дольше, если бы не болезнь Джеймса.

Открыв документ, лежащий у него на столе, Дэвид Брюстер серьезно посмотрел на них поверх оправы очков.

– Итак, начнем. Я уже письменно известил получателей малых долей наследства мистера Грешема, в том числе его экономку. Его внучка Холли тоже получит свою часть, но лишь по достижении определенного возраста. До тех пор ее деньгами будет распоряжаться ее отец.

– Вот повезло малышке Холли, – весело произнес Тоби, красивый смуглый брюнет. Он был актером по профессии, но ему не хватало таланта и трудолюбия. – Жаль, что ей всего семь и я не могу на ней жениться.

– Только через мой труп! – прорычал в ответ Руфус.

– Ну, если понадобится... – парировал Тоби.

Габриэлла едва слышала их перепалку. Ее внимание было приковано к словам Брюстера. Он вскользь упомянул о малых долях наследства.

Что это значило?

Что она была наследницей большой доли?

Если так, то неприязнь Руфуса к ней лишь усилится.

Прищурившись, Руфус посмотрел на пожилого нотариуса.

– Позвольте спросить, это последнее завещание моего отца?

– Да, мистер Грешем. Он написал его за два месяца до смерти.

От этого тревога Руфуса лишь усилилась. Ее причина крылась в том, что Тоби, его непутевый кузен, который три месяца назад рассорился с Джеймсом, тоже присутствовал здесь. И Габриэлла...

Последние пять лет они редко виделись. После того... неприятного инцидента... на Майорке она три года прожила во Франции и выучилась на шеф-повара. С тех пор как она два года назад вернулась в Англию, их пути редко пересекались.

Но всякий раз, когда они сталкивались друг с другом, он чувствовал ее неприязнь.

Взглянув на нее украдкой, он отметил про себя, что время не убавило ее красоты. Она даже стала еще красивее, чем прежде. В ней больше не было прежней юношеской порывистости, взгляд был холодным и бесстрастным. В нем читался вызов.

Она по-прежнему носила длинные волосы, но заметно похудела. Ее фиолетовые глаза казались огромными на осунувшемся лице с заострившимся подбородком. Только пухлые чувственные губы остались прежними.

Еще он вспомнил ее восхитительное тело, скрытое под узкими черными брюками и красной блузкой в цыганском стиле, подчеркивающей ее полную грудь.

Затем его губы искривились в усмешке, и он отвернулся, не желая вспоминать, каким оно было на ощупь.

От Габриэллы не укрылась ярость, сверкнувшая в его глазах, прежде чем он снова переключил свое внимание на нотариуса. Руфус все еще считал ее алчной охотницей за состоянием.

– Теперь мы можем поговорить о причине, по которой я сегодня собрал вас здесь, – продолжил поверенный Джеймса. – Мистер Грешем хотел, чтобы я поговорил с вами троими без присутствия других лиц. Когда я оглашу содержание завещания, вам станет ясна причина этой просьбы, – добавил он.

У Габриэллы внутри все сжалось от неприятного предчувствия.

Дэвид Брюстер отрывисто кивнул.

– Вы можете сами прочитать завещание, но основные условия следующие: мистер Грешем оставил большую часть своего имущества, которое на момент написания завещания составляло пятьдесят миллионов фунтов, двум своим детям – Габриэлле Марии Лючии Бенито и Руфусу Джеймсу...

– Габриэлла, ты выйдешь за меня замуж? – шутливо вставил Тоби, но она даже не удостоила его ответом. Этот бездельник знал о том, что она возненавидела его после того, как три месяца назад он попытался ее изнасиловать.

Габриэлла недоверчиво уставилась на нотариуса.

– Позвольте я продолжу. – Брюстер бросил на Тоби неодобрительный взгляд поверх очков. – Все предметы собственности, как в Англии, так и за границей, должны быть поделены поровну между вышеупомянутыми детьми, кроме магазинов в Англии и Нью-Йорке, которые через шесть месяцев должны перейти к Руфусу Джеймсу Грешему, при условии, что Руфус и Габриэлла будут жить вместе в течение этого времени в особняке Грешем-Хаус как муж и жена. Если это условие не будет

выполнено, то все недвижимое имущество, денежные средства и долговые обязательства перейдут к племяннику мистера Грешема, Тобиасу Джону Риду. Вы что-то сказали, мисс Бенито? – мягко спросил нотариус.

Неужели она так громко застонала? Похоже, так оно и было, потому что оба, Тобиас и Руфус, с любопытством уставились на нее.

– Нет, ничего, – спокойно ответила девушка, хотя внутри у нее все перевернулось.

Она знала, что имел в виду Джеймс под «долговыми обязательствами».

Вскоре после смерти матери Габриэлла взяла банковский кредит на открытие собственного ресторана, о чем она всегда мечтала. В конце концов она обрела уверенность в том, что у нее это получится, но все с самого начала шло наперекосяк.

Подрядчик, занимающийся перепланировкой здания, которое она взяла в аренду на год, потратил больше выделенной суммы, а затем приостановил работы, пока она недоплатила.

Затем, прямо перед открытием, на кухне случился пожар, и ей пришлось заменить всю технику.

Через два месяца после этого один из официантов украл с кредитной карты посетителя пять тысяч фунтов. Клиент отказался от компенсации и подал на вора в суд. Об этом инциденте написали все газеты, в результате чего репутация «Бенитос» была запятнана. Ей пришлось на месяц закрыть ресторан, поскольку люди перестали туда ходить. Таким образом, она осталась с непогашенным тридцатитысячным займом, и ее единственным источником дохода была работа помощником шеф-повара в бистро.

К счастью, в нужный момент Джеймс протянул ей руку помощи и спас от неминуемой катастрофы. Но по настоянию Габриэлла, они заключили договор, по которому она должна была вернуть ему деньги.

Вышеупомянутые «долговые обязательства» включали и эту сумму.

Если она не выйдет замуж за Руфуса и не проживет с ним шесть месяцев, то будет должна эти деньги. Человеку, которого она презирала даже больше, чем Руфуса.

Взглянув украдкой на красивое надменное лицо Руфуса, она поняла, что он слышал ее разочарованный стон. Его глаза сверкали от ярости.

– Ты об этом знала? – холодно спросил он, поднимаясь.

Ее лицо было бледным как полотно.

– Мне следовало догадаться, что ты обвинишь в этом меня, – с сарказмом произнесла она.

– А кого еще я могу обвинить? – неистово воскликнул он, сжав руки в кулаки. – Моего отца уже нет в живых, а ты единственная, кому его завещание принесло выгоду.

Он даже представить себе не мог, что его отец мог так с ним поступить.

Габриэлла невесело рассмеялась.

– Ты ведь не думаешь, что я и вправду соглашусь стать твоей женой, Руфус!

Он глубоко вдохнул, пытаясь сохранять самообладание. Тоби, очевидно, получал удовольствие от их перебранки. Дэвид Брюстер, напротив, испытывал неловкость.

Руфус не думал, что Габриэлла согласится выйти за него замуж через пять лет после того, как он намеренно унизил ее на Майорке. Намеренно.

Потому что эта красивая чувственная женщина всегда его возбуждала, хотя он тщательно это скрывал. Воспоминания о ее гладкой нежной коже с тех пор не давали ему покоя. А как ее юное тело реагировало на его прикосновения...

Но он никогда не забывал, что Габриэлла была дочерью женщины, которая взяла у его отца крупную сумму денег еще до того, как они поженились.

Джеймс был так безумно влюблен в свою вторую жену, что ее смерть лишила его смысла жизни. Но это не помешало ему включить в свое завещание столь нелепое условие.

– Да ладно тебе, Габриэлла, мы оба знаем, что ради денег ты ни перед чем не остановишься.

Ее фиолетовые глаза неистово сверкали, ноздри раздувались.

– Ты мерз...

Бедняжка Габриэлла, – язвительно произнес Руфус, – неужели за пять лет ты не смогла придумать что-нибудь более оригинальное.

– К чему лишние беспокойства, когда эта характеристика так тебе подходит.

– О боже. – Мягкий спокойный голос Дэвида Брюстера положил конец их перепалке, прежде чем Руфус смог сказать в ответ какую-нибудь колкость. – Кажется, мистер Грешем совершил ошибку, разделив свое состояние между вами двоими.

Очевидно, он ничего не знал о ваших взаимоотношениях.

– Вы ошибаетесь, – сказал Руфус пожилому мужчине. – Мой отец прекрасно знал о неприязни,

всегда существовавшей между мной и Габриэлкой.

И Джеймса это глубоко огорчало. Он постоянно советовал Руфусу повторно жениться, чтобы дать семилетней дочери мать, которой ей так не хватало. Но после своего неудачного опыта с Анджелой Руфус не собирался следовать этому совету.

Однако Джеймс, кажется, решил одновременно исправить обе эти ситуации, заставив их вступить в брак, чтобы получить свои доли наследства. В противном случае все должно было достаться его кузену Тоби.

Его отец был абсолютно уверен, что Руфус этого не допустит. Относительно Тоби у Джеймса не было никаких иллюзий. Он знал, что его непутевый племянник за год разорит «Грешемс» и промотает все состояние.

Деньги отца не имели для Руфуса особого значения, потому что у него было достаточно собственных средств. Дома в Суррей, Эспене, на Майорке и Багамах тоже были ему безразличны. Но два магазина «Грешемс» были совсем другим делом. Последние шесть лет Руфус вкладывал в них все, что у него было, и добился их процветания. Он не мог допустить, чтобы такой бездельник, как Тоби, пустил все коту под хвост.

Но готов ли он ради этого жениться на Габриэлле и жить с ней под одной крышей, пусть даже всего полгода? Сделать то, что он поклялся самому себе никогда не делать?

– Я действительно понятия не имел. – Брюстер нахмурился. – Хотя, должен признаться, мне это показалось довольно странным. Боюсь, уже ничего нельзя поделать. – Он печально покачал головой.

– Но должен же быть какой-нибудь выход. – Габриэлла умоляюще посмотрела на нотариуса.

– Боюсь, что нет, мисс Бенито. – Он поморщился. – Я сам составлял этот документ и могу вас заверить, что обходного пути быть не может.

– В чем дело, Габриэлла? – обманчиво мягко спросил Руфус. – Брак со мной больше не входит в твои планы?

Его намеки были грязными и отвратительными. Шесть лет назад она влюбилась в него и надеялась, что он тоже когда-нибудь ее полюбит. Но своим поведением в тот день на Майорке Руфус лишил ее последней надежды.

Гордо вскинув подбородок, она приняла его вызов.

– Точно так же, как женитьба на мне в твои.

– Вот видите! – произнес Тоби, не обращая ни к кому конкретно. – В таком случае почему бы вам обоим не спасти себя от подобной участи и не отдать мне прямо сейчас мое наследство?

– У мисс Бенито и мистера Грешема есть неделя на то, чтобы принять решение, – вставил Дэвид Брюстер, прежде чем Руфус или Габриэлла смогли что-либо ответить.

– Думаю, я вполне могу подождать неделю, – радостно ухмыльнулся Тоби, чувствуя себя комфортно в напряженной обстановке.

– Есть еще одно условие, о котором вы должны узнать, прежде чем принимать решения, – произнес нотариус, не обращая внимания на комментарии Тоби.

– И в чем оно заключается? – устало произнес Руфус.

– Согласно ему, два магазина по истечении условленных шести месяцев переходят в частную собственность Руфуса Джеймса Грешема, но ресторан в лондонском магазине «Грешемс» должен быть переоборудован, переименован в «Габриэллас» и передан в пожизненное пользование Габриэлле Марии Лючии Бенито, впоследствии Габриэлле Грешем.

Руфус глубоко вдохнул.

– Другими словами, мой отец хотел, чтобы я не только женился на Габриэлле, но и работал вместе ней? – Он старался говорить спокойно, но от едва сдерживаемой ярости на его щеке дергался мускул.

– Это действительно так, – подтвердил Дэвид Брюстер.

– Джеймс хотел, чтобы я с ним еще и работала? – ошеломленно произнесла Габриэлла.

Она явно не ожидала такого поворота событий, цинично подумал Руфус. Наверное, надеялась на то, что сможет уйти со своей долей. Он заметил, как она разволновалась при упоминании о долговых обязательствах. Неужели его отец был настолько глуп, что одолжил Габриэлле деньги? Деньги, которые она никогда бы ему не вернула?

Руфус холодно посмотрел на девушку. Ее бледность совершенно его не трогала.

– Я уже руковожу «Грешемс», у меня уже есть собственный дом, собственное состояние. Так кто из нас, по-вашему, больше приобретет?

– Вот видите? – вставил Тоби. – У вас нет ни единого шанса на то, чтобы прожить шесть меся-

цев под одной крышей и не убить друг друга! И это означает, – решительно добавил он, – что я унаследую...

– Думаю, в сложившейся ситуации ваши комментарии бесполезны, мистер Рид, – укоризненно произнес нотариус, теряя терпение. – Мисс Бенито и мистер Грешем, с вами мы встретимся ровно через неделю в это же время, и вы сообщите мне о своем решении. Мистер Рид, на этот раз ваше присутствие не потребуется.

– Скажите, мистер Брюстер, в завещании моего отца случайно нет скрытых условий или пунктов, на которые нужно обратить внимание, прежде чем принимать решение?

Немного помедлив, пожилой мужчина ответил:

– Нет, там больше нет ничего, что имело бы отношение к вам троим.

– Может, мы втроем сходим куда-нибудь перекусить, а заодно обсудим все это? – предложил Тоби, вставая.

Габриэлла знала, что сейчас не сможет проглотить ни кусочка. К тому же одна лишь мысль о том, чтобы сидеть за одним столом рядом с Тоби, вызывала у нее тошноту.

– Нет, – категорически заявил Руфус, затем внезапно взял Габриэлла за руку, чем немало удивил девушку. – Нам с Габриэлой нужно действительно о многом поговорить, но, как уже заметил Дэвид, твое участие в этом деле закончилось, Тоби.

Габриэлла возмущенно посмотрела на Руфуса. Она не хотела никуда с ним идти. Как он смеет хватать ее за руку!

Решительно выпятив подбородок, она попыталась ослабить его хватку, но у нее ничего не вышло. Наблюдая за этим, Тоби беспечно улыбнулся.

– Сообщите мне, если решите не жениться.

Выйти замуж за Руфуса...

При мысли об этом у Габриэллы по спине пробежали мурашки.

Но так было не всегда. Пять лет назад она бы очень обрадовалась подобной перспективе.

Прежде чем она научилась его ненавидеть.

Прежде чем узнала о том, как сильно он ее ненавидел.

Тоби был прав: они не смогут прожить полгода той крышей как муж и жена.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Выходя из кабинета Дэвида Брюстера, Руфус чувствовал, как отчаянно Габриэлла пытается высвободить свою руку. Но он не собирался ее отпускать. Им двоим нужно было поговорить. Прямо сейчас.

– Пока, Тоби, – сказал он своему кузену, когда они оказались на улице.

– И не звони мне, пока я сам с тобой не свяжусь? – язвительно предположил Тоби.

Губы Руфуса сжались в твердую линию. Они с Тоби никогда не были друзьями. Он знал, что его отец терпел этого бездельника лишь потому, что он был сыном его единственной сестры. Но три месяца назад этому терпению пришел конец.

– Не дожدهшься, – отрезал Руфус.

Тоби издал язвительный смешок.

– Сообщишь мне об этом ты или это сделает Брюстер не имеет значения, – он пожал плечами. – Результат будет один и тот же. – Он самодовольно ухмыльнулся.

– Тебе никогда не приходило в голову, Тоби, что мы с Руфусом больше ненавидим тебя, чем друг друга? – язвительно заметила Габриэлла.

Тоби пристально посмотрел на нее своими дерзкими голубыми глазами и нахально улыбнулся.

– Нет.

Как ей хотелось стереть с его красивого лица эту улыбочку! Ее захлестнула волна отвращения к этому мужчине.

– Тогда на твоём месте я бы непременно над этим задумалась, – посоветовала ему она.

Он беспечно пожал плечами.

– Даже если вы попытаете воплотить в жизнь эту дурацкую затею с браком, у вас все равно ничего не выйдет.

– Мы должны будем прожить вместе всего шесть месяцев, – напомнила ему Габриэлла.

Тоби криво усмехнулся.

– Да вам шесть часов не прожить под одной крышей, не то что шесть месяцев!

То, что он был прав, разозлило ее еще больше.

– Тогда это будет для тебя сюрпризом! – отрезала она, неистово сверкая глазами.

– Почему-то я в этом сомневаюсь, – произнес Тоби скучающим тоном. – Пока, Руфус. Чао, Габриэлла, – насмешливо добавил он, затем повернулся и пошел прочь.

– Мне всегда казалось, что вы с Тоби симпатизируете друг другу, – сказал Руфус, прищурившись.

Габриэлла посмотрела на него.

– Предположения часто бывают обманчивыми, – хрипло произнесла она, опутив длинные ресницы, чтобы он не смог прочесть ее мысли.

Только когда дело не касалось этой женщины, сказал себе Руфус. Она была такой же, как ее мать, и лучше ему об этом не забывать.

Его рот искривился в сардонической ухмылке.

– Это правда, что ты ненавидишь Тоби даже больше, чем меня?

– О да, – заверила его она.

Странно, подумал Руфус. Раньше между Габриэлой и Тоби всегда были теплые дружеские отношения. Что произошло между ними?

Было ли это как-то связано с тем, что три месяца назад его отец запретил Тоби переступать порог его дома?

– Нам нужно поговорить, – сказал он Габриэлле. – Моя машина припаркована...

– Я никуда с тобой не поеду, – тотчас возразила она, сделав шаг назад. На этот раз ей удалось вырваться.

Руфус нахмурился.

– Знаешь, Габриэлла, если мы будем продолжать в том же духе, значит, Тоби прав, и нам лучше сразу передать ему все.

Глаза Габриэллы расширились. Неужели он и вправду собрался на ней жениться?

Только если ему приставят к виску пистолет, подумала она, печально улыбаясь.

Впрочем, поступок Джеймса был равносителен этому.

– Я сказал что-то смешное, Габриэлла? – отрезал Руфус при виде ее улыбки.

– Нет, – призналась она, вздохнув. – Но разве наш с тобой разговор что-то изменит?

– Все зависит от того, как мы будем разговаривать, – с вызовом ответил он.

Прищурившись, Габриэлла посмотрела на него. За прошедшие пять лет Руфус стал еще циничнее. В уголках его глаз и возле рта залегли морщинки, светлые волосы стали короче, но Руфус по-прежнему оставался самым сексуальным мужчиной, которого она когда-либо встречала. Она до сих пор чувствовала кожей его прикосновение. Спустя пять лет ее влечение к нему не ослабло, как она думала все это время.

Встретившись с ней взглядом, Руфус понял, что не забыл, какой нежной и бархатистой была ее кожа. Он пропал в тот момент, когда впервые прикоснулся к ее стройному девичьему телу. Все его существо откликалось на чувственную красоту Габриэллы. Он до сих пор ее хотел.

– Если ты собираешься предложить мне то, о чем я подумала, тогда забудь об этом. – Габриэлла укоризненно посмотрела на него. Ее щеки залила краска.

– Жаль, – насмешливо протянул он. – Было бы интересно поговорить о старых временах.

– Нет никаких «старых времен», – решительно возразила она.

– Хорошо, Габриэлла, – язвительно произнес Руфус. – Давай тогда поговорим о будущем, – решительно добавил он. – Может, нам удастся прийти к компромиссу.

– К компромиссу? – удивленно повторила девушка.

Очевидно, это слово прежде никогда у нее с ним не ассоциировалось, мрачно подумал Руфус. Но им придется пойти на взаимные уступки, если они не хотят потерять все. А он не верил, что Габриэлла готова отказаться от двадцати пяти миллионов лишь потому, что не хотела становиться его женой и жить с ним под одной крышей.

– Думаю, будет лучше, если ты поедешь вместе со мной в «Грешемс», Габриэлла, потому что я не собираюсь продолжать этот разговор посреди тротуара.

В «Грешемс»? Девушка нахмурилась. Какого черта ему понадобилось ее туда везти?

Она не была в магазине с тех пор, как переехала во Францию.

– Я бы хотел кое-что тебе показать.

– Правда? – скептически произнесла она.

Он кивнул.

– Думаю, это произведет на тебя впечатление.

В ответ на его провокацию она прищурилась и колко произнесла:

– В последний раз меня это не впечатлило.

– Нет? – Он насмешливо поднял темные брови. – А вот мне помнится, что все было по-другому.

Она очень сомневалась, что Руфус вообще помнил о том, что произошло между ними на Майорке. После развода он встречался со многими женщинами, но все эти отношения были непродолжительными. Разумеется, он забыл ласки неопытной восемнадцатилетней девчонки.

Габриэлла приторно улыбнулась ему.

– Полагаю, это называется избирательной памятью.

– Возможно. Но кто из нас двоих выбирает? – парировал он.

Ей следовало знать, что вступать в словесные споры с Руфусом было бесполезно. Он был слишком циничен и самоуверен.

– Я подумал, тебе захочется взглянуть на то, что в будущем станет носить название «Габриэлла-лас», – добавил Руфус, имея в виду ресторан, расположенный двумя этажами ниже его кабинета.

Ее глаза расширились.

– Неужели ты действительно собираешься выполнить условия, указанные в завещании твоего отца?

– А ты разве нет? – язвительно произнес Руфус.

Когда на этот раз он взял ее за руку и повел к своей машине, Габриэлла не стала сопротивляться.

Руфус был полностью уверен в том, что эта женщина не упустит возможности прибрать к рукам двадцать пять миллионов. Просто она набивала себе цену, думая, что сможет вытянуть из него больше.

Его рот дернулся от отвращения, когда он открывал для Габриэллы дверцу «мерседеса», стараясь не прикасаться к девушке.

Готова ли я выйти за него замуж? – подумала Габриэлла, взглянув украдкой на его напряженный профиль.

Ее немедленным ответом было «нет». Немного подумав, она сказала себе «возможно».

Стать женой Руфуса было последним, чего она хотела, но в противном случае Тоби получит все, включая ее долговое обязательство в тридцать тысяч фунтов. У нее не было столько денег, и она не исключала, что этот негодяй Тоби может потребовать от нее заплатить долг неприемлемым для нее способом.

Был ли брак с Руфусом более приемлемым.

Определенно.

– Жалеешь, что согласилась со мной поехать? – спросил Руфус, нарушив напряженное молчание.

Она не сомневалась, что брак с ним стал бы для нее настоящим кошмаром. Руфус использовал бы любую возможность, чтобы сделать ее несчастной. Несомненно, он подумал бы, что она согласилась стать его женой лишь из-за денег.

Но альтернативой этого брака по расчету было попасть в зависимость от Тоби.

По крайней мере, у первого кошмара был конец.

– Я думаю обо всем этом, – хрипло произнесла Габриэлла.

– А мне показалось, что жалеешь.

– Но не по той причине, о которой ты думаешь, – отрезала она.

– Нет? – Его брови взметнулись вверх.

Габриэлла даже не стала пытаться себя защитить. Зачем? Руфусу доставляло удовольствие думать о ней самое худшее. Зачем его разочаровывать?

Она уже забыла, что чувствуешь, когдаходишь в здание «Грешемс». Просторное помещение было наполнено восхитительными ароматами. От обилия товаров разбегались глаза. Здесь можно было купить все: от еды до эксклюзивных сумочек, изысканной посуды и мебели. Покупатели и консультанты сновали туда-сюда. Габриэлла восхищенно смотрела по сторонам, пока они с Руфусом направлялись через весь первый этаж к частному лифту. Подумав о том, что через полгода она может стать хозяйкой ресторана в таком эксклюзивном магазине, девушка забыла о причине, по которой они с Руфусом пришли сюда.

– Мне не нужно говорить тебе, какой у тебя замечательный магазин и как хорошо ты им управляешь, – рассеянно произнесла Габриэлла.

Руфус окинул ее задумчивым взглядом.

– Меня всегда удивлял твой выбор карьеры.

Она напряглась.

– Почему?

Он пожал широкими плечами.

– Скорее всего, ресторан в «Грешемс» будет круглосуточным, как и сам магазин. Как правило, работа в ресторане – это долгий кропотливый труд.

Габриэлла с вызовом посмотрела на него.

– Что ты имеешь в виду?

Он имел в виду, что для женщины, занимающейся поисками богатого мужа, она выбрала слишком тяжелую работу.

А может, она на самом деле думала, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок?

Несколько лет назад он сказал ей, что обычно им управляла другая часть мужской анатомии!

Впрочем, сейчас это не имело значения. Если они сейчас придут к согласию, то через полгода богатый муж ей больше не понадобится.

Руфус пожал плечами.

– Иногда тебе придется готовить для меня, – сухо произнес он.

Габриэлла нетерпеливо посмотрела на него.

– Ты рискуешь. Я ведь могу положить в твою еду мышьяк.

– А я буду предлагать тебе попробовать первой, – заверил он ее, когда они вышли из лифта на четвертом этаже.

Габриэлла импульсивно рассмеялась, и ее фиолетовые глаза засверкали.

Зачарованный ее смехом, Руфус уставился на нее голодным взглядом.

Увидев, как он на нее смотрит, она чуть не подавилась смехом. Он словно хотел ее съесть!

Но, должно быть, она ошиблась, потому что его лицо внезапно посуровело.

– Руфус, что... – Она осеклась, поняв, куда он ее привел.

Ее глаза расширились, сердце учащенно забилося, когда она оглядела просторное помещение ресторана.

Ресторана, который может стать ее, если она выйдет замуж за Руфуса.

Он занимал половину четвертого этажа и был отгорожен ширмой от книжного отдела магазина, располагающегося рядом. Сейчас он больше напоминал кафетерий с самообслуживанием, но из него лучился бы отличный ресторан. Габриэлла уже начала себе представлять, какие изменения можно сделать в интерьере. Здесь можно было бы хорошо отдохнуть за ленчем, который она готовила бы только из самых свежих продуктов.

Но этому не бывать, если она не согласится выйти замуж за Руфуса!

– Давай пройдем в мой кабинет и закончим этот разговор, Габриэлла, – отрывисто произнес он, снова взяв ее за руку.

Закончить разговор? Она даже не знала, что они его начали!

Офис на шестом этаже был знаком Габриэлле, потому что она часто навещала здесь свою мать, когда та работала секретарем Джеймса.

Господи, как давно это было!

Она не узнала секретаршу – высокую стройную блондинку, которая улыбнулась Руфусу, когда они вошли в приемную. Габриэлла задумчиво посмотрела на него. Он крепче взял ее за руку и провел в кабинет, закрыв за ними дверь.

– Я бы никогда не совершил ту же ошибку, что и мой отец, – холодно произнес Руфус, отпустив ее так резко, что она чуть не потеряла равновесие.

Он имел в виду, что никогда не влюбится в свою секретаршу. Тем более, не женится на ней.

– Они были счастливы вместе, Руфус, – возразила Габриэлла. – Разве ты этого не замечал? Не чувствовал, когда находился рядом с ними?

Да, его отец действительно был счастлив с Хитер, и ее неожиданная гибель подкосила его. Но Джеймс был ослеплен любовью и не замечал, что на самом деле представляла собой его жена.

Все эти годы Хитер пыталась с ним сблизиться, но тщетно. Руфус знал, что она делала это лишь ради его отца.

Несмотря на то, что Габриэлла несколько лет прожила во Франции, они с матерью по-прежнему поддерживали близкие отношения. Если бы он перестал относиться к своей мачехе с настороженностью, она бы усыпила его бдительность по отношению к своей дочери, чего нельзя было допускать. Он собирался жениться на Габриэлле, чтобы сохранить «Грешемс», но это вовсе не означало, что он изменил свое отношение к ней.

– Ты последовала моему совету? – сухо спросил Руфус.

Габриэлла нахмурилась, не понимая, что он имел в виду.

Его губы искривились в усмешке, когда он произнес:

– Ты когда-нибудь спрашивала у своей матери, для чего шесть лет назад ей понадобилась сотня тысяч фунтов?

Он снова хотел ее обидеть. Она гордо вскинула подбородок.

– Да, спрашивала.

– И? – нетерпеливо произнес он.

Она пообещала матери, что никогда никому об этом не расскажет. Хитер поведала ей, что ее первый муж был заядлым игроком и оставил после себя кучу долгов, но она не хотела, чтобы эта история стала достоянием общности.

– И это не твое дело! – отрезала Габриэлла, не собираясь выдавать секрет матери.

– Верно, – согласился он. – Итак, сколько ты была должна моему отцу, Габриэлла? Больше, чем он дал твоей матери?

На этот раз кровь резко отхлынула от ее щек. Значит, он не ошибся насчет причины ее инстинктивной реакции, когда Брюстер зачитывал эту часть завещания. Но она не должна была об этом знать.

– Меньше, – ответила она, зная, что лгать было бессмысленно. Он может попросить Брюстера показать ему договор, который она заключила с Джеймсом год назад. – Намного меньше.

Прищурившись, Руфус посмотрел на нее. До этого момента он надеялся, что ошибся и Габриэлла не использовала его отца так же, как ее мать. Но он оказался прав.

– Ты скажешь мне, почему ненавидишь Тоби даже больше, чем меня? – произнес он холодным тоном.

Нет, не скажет.

Джеймс знал о том, что Тоби пытался ее изнасиловать. Очевидно, именно по этой причине он за два месяца до смерти внес изменения в свое завещание. Но это вовсе не означало, что Руфус имело право обо всем знать. Кроме того, судя по тому, какого мнения был о ней Руфус, он, скорее всего, поверит, что она сама спровоцировала Тоби.

– Тебе трудно в это поверить, не так ли? – съязвила она.

Он невесело улыбнулся.

– Так же трудно, как и в то, что тебя не интересуют деньги семьи Грешем.

Габриэлла разочарованно покачала головой.

– У нас ничего не выйдет, Руфус.

– Напротив, – возразил он, садясь за стол, чтобы не поддаться искушению и не придушить ее. По крайней мере, этот брак не будет основан на иллюзиях.

Руфус наклонил голову набок.

– С обеих сторон, – согласился он.

– А как же Холли? – спросила девушка.

Он нахмурился.

– При чем здесь Холли?

– Думаешь, она захочет жить с мачехой? Пусть даже всего шесть месяцев?

– Ты не будешь ее мачехой, – заверил ее Руфус.

– Но по закону...

– Держись подальше от моей дочери, Габриэлла. – предупредил ее он.

Ее глаза расширились. На что он намекал?

– Объясни, как это будет возможно, если мы собираемся жить вместе в доме Грешемов.

– Советую тебе найти способ, – произнес Руфус. – Чем меньше Холли будет общаться с такой алчной женщиной, как ты, тем лучше.

На этот раз он не просто ее ранил, а сразил наповал.

– Ты еще об этом пожалеешь, Руфус! – воскликнула она, неистово сверкая глазами.

– Я уже жалею, – устало ответил мужчина. – Но, уверен, ты со мной согласишься, что у нас обоих нет выбора, кроме фиктивного брака.

Габриэлла медлила.

– Просто скажи, да или нет, – настаивал он.

Она чувствовала себя словно животное, ослепленное светом фар.

– Да. – Девушка судорожно вздохнула. – Мы оба знаем, что мой ответ будет «да», – добавила она.

– Мой тоже, – отрезал Руфус. – Хотя я не отрицаю, что брак с тобой – это последнее, чего я хочу.

Ее глаза сверкнули фиолетовым огнем.

– Я тоже меньше всего этого хочу!

Он кивнул.

– Наконец мы пришли к согласию. Теперь, если не возражаешь, мне нужно работать.

Ей тоже. В шесть часов она уже должна быть в бистро. Когда они с Руфусом поженятся, ей больше не придется там работать.

Следующие несколько недель она будет занята переоборудованием ресторана двумя этажами ниже.

Это было слабым утешением, но по крайней мере работа отвлечет ее от мыслей о браке с Руфусом.

Как будто она могла думать о чем-то другом!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Десять дней спустя состоялась свадьба, на которой присутствовало всего четыре человека: Руфус с Габриэлла и Дэвид Брюстер со своей секретаршей в качестве свидетелей.

Церемония прошла так быстро, что Габриэлла сначала даже не поняла, действительно ли они поженились. Она была как в тумане и поэтому не сопротивлялась, когда Руфусу предложили поцеловать невесту.

Он не прикасался к ней с того самого дня пять лет назад, и, к своему сожалению, она поняла, что пропала, когда его губы коснулись ее губ. Это было не легкое прикосновение, как она ожидала. Вместо этого Руфус заключил ее в объятия и приник к ее губам с такой жадностью, что у нее перехватило дыхание.

Когда он наконец поднял голову, его глаза вызывающе блестели. Габриэлле казалось, что все нервные клеточки в ее теле звенели от напряжения.

– Наверное, нам пора? – неловко произнес Дэвид Брюстер.

Возможно, так и было, подумал Руфус. Его сердце бешено колотилось, возбужденная плоть пульсировала.

Черт побери, он так крепко поцеловал Габриэлла ради эксперимента. Хотел посмотреть, действовала ли на него до сих пор ее волнующая красота.

Ответ был положительным.

Оторвавшись от ее губ, он пристально посмотрел на Брюстера.

– Я хочу поблагодарить вас с Селией за то, что пришли сегодня сюда. – Он улыбнулся пожилой женщине. – По очевидным причинам мы не стали приглашать в качестве свидетелей своих друзей. Это было бы неправильно.

Говори за себя, подумала Габриэлла. Ей сегодня не помешала бы поддержка кого-нибудь из ее друзей.

– Может, отпразднуем это событие за ленчем? – предложил Дэвид Брюстер, когда они покинули зал бракосочетаний.

– Я... – начала Габриэлла.

– Боюсь, это невозможно, – перебил ее Руфус. – Я должен вернуться к работе, а Габриэлле нужно перевезти свои вещи в Грешем-Хаус.

– Возможно, как-нибудь в другой раз, – сказал пожилой мужчина.

– Не думаю, что в ближайшее время мы с Габриэлла снова будем сочетаться браком, – усмехнулся Руфус.

– Друг с другом или с кем бы то ни было! – бросила в ответ она.

Габриэлла не понимала, почему ее так задела его слова. Это был краткосрочный брак по расчету, и ее не должно было волновать то, что он относился к нему как к рядовой сделке.

– Именно, – протянул Руфус. – Сейчас... – Он прервался, когда они вышли на улицу и их ослепили вспышки фотокамер. – Какого ч...? – Он мрачно посмотрел на толпу репортеров, быстро попрощался с Дэвидом и Селией, затем взял Габриэлла за руку и, игнорируя шквал вопросов, потащил ее к своей машине.

Но не слышать их было невозможно!

– Как долго длился ваш роман с мисс Бенито?

– Где вы собираетесь провести медовый месяц?

– Ваш отец перед тем как умереть знал, что вы собираетесь пожениться?

– Мисс Бенито, вы...

– Сейчас ее зовут миссис Грешем, – холодно ответил Руфус, усадив Габриэлла в салон автомобиля. Сев за руль, он завел мотор и попытался проехать сквозь толпу журналистов.

– Не смотри на меня так! – воскликнула Габриэлла, когда он бросил на нее сердитый взгляд. – Как будто это я рассказала всем о том, что мы собираемся пожениться!

Руфус этого не делал, на Дэвида Брюстера и его секретаршу можно было положиться, тогда кто же?

– Тоби! – воскликнул Руфус, внезапно придя к тому же выводу, что и она. – Но как он узнал, что мы сегодня женимся? – процедил он сквозь зубы, выезжая на шоссе.

– Можешь быть уверен, я ему ничего не говорила, – решительно произнесла Габриэлла.

– Вот тебе и попытались остаться незамеченными, – мрачно пробормотал Руфус. – Я уже вижу заголовок в завтрашних газетах «Наследники Грешема поженились!», а вслед за ним «Невеста была в кремовом».

– Это цвет слоновый кости, – поправила его Габриэлла.

– Мне простительно, я мужчина, – нетерпеливо отрезал Руфус.

Хотя Габриэлла знала, что их брак будет фиктивным, она решила, что все равно должна надеть что-нибудь нарядное. В отличие от Руфуса, который в своем темно-сером костюме, белой рубашке и сером галстуке выглядел так, словно приехал в загс прямо из офиса.

Впрочем, так оно и было. Габриэлла была рада, что он не стал беспокоиться о цветах.

– Высади меня у железнодорожной станции, – тихо сказала она. – Я доберусь до Грешем-Хаус на поезде. – Она начала постепенно возвращаться к реальности, и ей захотелось оказаться подальше от Руфуса и спокойно обдумать все, что произошло.

Габриэлла не ожидала, что ее так заденет его отношение к их браку. Она представляла его себе как простую формальность, которую им обоим придется терпеть в течение шести месяцев.

Конечно, Руфус однажды уже был женат, и эта свадьба была для него неприятным напоминанием о несчастливом браке с Анджелой.

В зале бракосочетания он вел себя так спокойно и уверенно, словно ему предстояло заключить рядовую сделку.

Ее мать вряд ли мечтала о такой свадьбе для своей дочери, подумала Габриэлла. При мысли о том, что Хитер не сможет присутствовать на настоящей свадьбе Габриэллы, у нее на глаза навернулись слезы.

Руфус украдкой посмотрел на девушку. Почему ее глаза блестят от слез?

Нет, подумал он, взглянув еще раз. Это больше походило на блеск триумфа. Она не только унаследует половину состояния Грешемов, но и доставит ему большие неудобства своим присутствием.

Отомстит ему за то, что он сделал ей пять лет назад.

Руфус крепче сжал рулевое колесо и снова переключил свое внимание на дорогу.

– Думаю, перед тем как ты отправишься в Грешем-Хаус, мы могли бы чего-нибудь выпить, – спокойно произнес он, хотя внутри злился на безвыходную ситуацию, в которой оказался.

Он пытался найти выход из нее, советовался со своим поверенным и Дэвидом Брюстером, но ему сказали, что ничего нельзя было сделать. Брюстер безупречно выполнил свою работу.

Но то, что Руфус был вынужден жениться на Габриэлле, вовсе не означало, что он позволит поступать так, как захочется ей.

– Чего-нибудь выпить? – повторила девушка. – Ты уверен, что у тебя есть время? – язвительно добавила она.

Неужели она ожидала, что Руфус возьмет выходной, они вместе поедут в загс, где их на выходе осыплют конфетти и добрыми пожеланиями, а после церемонии состоится праздничный обед в дорогом ресторане, на котором будут присутствовать родные и друзья?

Чем меньше людей знают об их свадьбе, тем лучше. Для него.

Вот только репортеры, окружившие здание загса, этого не допустят.

При первой удобной возможности он выскажет Тоби все, что о нем думает.

– Я могу найти время, – сухо ответил Руфус.

Габриэлла испытующе посмотрела на него. Он действительно хотел отменить их свадьбу или ему было нужно от нее что-то еще?

Наверное, он просто хотел прочитать ей еще одну лекцию о том, чтобы она держалась подальше от его дочери. Холли было сейчас семь лет, и Габриэлла не видела ее больше пяти лет, за исключением нескольких семейных торжеств. У нее были такие же светлые волосы и зеленые глаза, как у Руфуса, но кроме этого Габриэлла ничего не знала о девочке, которую в двухмесячном возрасте бро-

сила мать. Должно быть, Холли пришлось нелегко. Габриэлла надеялась, что малышка не будет видеть в ней злую мачеху. Впрочем, Руфус не хотел, чтобы она принимала участие в жизни его дочери.

– Хорошо, – она вздохнула. Ей было некуда спешить.

– Веселее, Габриэлла, – мягко произнес Руфус. – В конце концов, сегодня день нашей свадьбы.

– Не напоминай мне об этом! – неистово воскликнула она.

Руфус криво усмехнулся. Ему тоже было не нужно об этом напоминать.

Габриэлла выглядела немного встревоженной, когда он остановил машину рядом с высоким многоэтажным зданием и помог ей выбраться из салона.

– Куда ты меня привез?

– У меня есть квартира в этом доме. Я останавливаюсь здесь, когда задерживаюсь в городе по делам, – небрежно произнес он, пропуская ее вперед.

Они вошли в здание. Поздоровавшись с охранником, Руфус вызвал лифт, который тут же подъехал.

Когда он задерживается в городе по делам, повторила про себя Габриэлла, войдя в лифт. Что это означало?

Что он купил в городе квартиру для того, чтоб встречаться в ней с женщинами?

Не мог же он приводить своих пассий в дом, где жила его дочь, поэтому ему было необходимо более уединенное место для этих... встреч.

А сейчас он привез сюда ее.

– Не думаю, что это хорошая идея, Руфус. – Но ее протест оказался бесполезным, потому что Руфус привлек ее к себе и поцеловал.

Ее губы были такими сладкими на вкус, признался себе он, исследуя языком влажную глубину ее рта. Несомненно, все остальное было не менее сладким.

Он хотел ее так, что не собирался сдерживать свое желание. Габриэлла была его женой, и он мог прикасаться к ней, сколько захочет.

Что он делает, рассеянно подумала Габриэлла, когда его язык стремительно проник в глубь ее рта, отчего внизу ее живота разлилось приятное тепло.

Она застонала от наслаждения, когда его руки сжали ее грудь и начали ласкать затвердевшие соски, пока она не прильнула к нему всем телом.

Девушка даже не почувствовала, как он расстегнул крошечные пуговички на корсаже ее платья, и между ее набухшей грудью и его горячими руками стала только шелковая ткань бюстгалтера.

Оторвавшись от ее губ, он скользнул языком по плавному изгибу ее шеи, а затем, спустив бретельку бюстгалтера, приник ртом к ее соску.

Застигнутая врасплох новыми ощущениями, Габриэлла прильнула к нему всем телом. Сладкая боль внизу живота становилась все невыносимее.

Двери лифта открылись прямо в пентхаусе, где их обоих окутал прохладный свежий воздух.

Открыв затуманившиеся от желания глаза, она обнаружила, что Руфус смотрит на нее. Последних пяти лет будто и не бывало.

Габриэлла не хотела, чтобы это наслаждение прекратилось. Она не могла остановиться.

Подведя ее к кровати, Руфус снял с нее платье и, усадив на кровать, принялся разглядывать ее с головы до ног.

– Раздевайся, – хрипло произнес он, снимая пиджак и бросая его на пол.

Габриэлла была уже не наивной восемнадцатилетней девчонкой, а зрелой двадцатитрехлетней женщиной. Хотя ей недоставало сексуального опыта Руфуса, она была возбуждена не меньше его.

Встретившись с ним взглядом, она расстегнула замочек, опустила вторую бретельку лифчика, и ее пышная грудь с темными сосками высвободилась из шелкового плена в ожидании его прикосновений.

Опустившись рядом с Габриэлой на кровать, Руфус принялся поочередно ласкать языком ее затвердевшие соски. Она выгнулась дугой ему навстречу, молясь про себя, чтобы он дал ей то, чего она так хотела.

Руфус не сомневался, что на этот раз он доведет дело до конца и овладеет Габриэлой, подарив ей взамен безграничное наслаждение.

Вбирая в рот ее сосок, он почувствовал, как дрожит ее тело. Его рука скользнула ей под трусики и, спустив их вниз, коснулась самого сокровенного уголка ее тела, доведя ее до исступления.

Когда ее дрожь понемногу начала утихать, он ловким движением снял с нее трусики и начал покрывать поцелуями ее разгоряченное тело.

Габриэлла тонула в море чувственного наслаждения. Она призывно смотрела на Руфуса затуманившимися от страсти глазами, нисколько не стесняясь своей наготы. Она хотела, чтобы он как можно скорее оказался внутри нее.

– Помоги мне раздеться, Габриэлла, – произнес он гортанным голосом.

Девушка повиновалась и, не сводя с него глаз, медленно расстегнула его рубашку и сняла с плеч, затем погладила его плоский живот. Он задержал дыхание, а затем резко выдохнул, когда она потянулась к молнии на его брюках и начала медленно расстегивать ее. Движимая первобытными инстинктами, она хотела доставить ему такое же удовольствие, какое он доставил ей.

Запустив пальцы в ее волосы, Руфус простонал:

– Нет, Габриэлла! Я хочу оказаться внутри тебя. Глубоко внутри. – С этими словами он толкнул ее на спину и лег поверх нее. Его глаза потемнели от страсти, когда он немного приподнялся над ней и рывком вошел в нее.

Ее желание усилилось, когда он, проникая все глубже и глубже, начал покрывать поцелуями ее грудь. Она задвигалась с ним в одном ритме, пока их обоих не накрыло волной экстаза.

Затем он бессильно упал на нее, но она по-прежнему была напряжена, ожидая насмешки или грубого слова.

Но тишину по-прежнему нарушало только их учащенное дыхание и стук сердец.

Почему он ничего не сказал?

Где обвинения в ее адрес?

Где насмешки?

Руфус всегда считал, что это она хотела соблазнить его, но на этот раз инициатива исходила от него.

Впрочем, на этот раз они были женаты.

– Похоже, Габриэлла, раньше установленного срока до развода дело не дойдет, – насмешливо произнес он.

Повернув голову, девушка посмотрела на него.

– Что ты имеешь в виду?

Руфус улыбнулся, но его улыбка больше походила на волчий оскал.

– То, что моя жена так сексуальна, что мне в ближайшие шесть месяцев не понадобится эта квартира. – Он взглянул на свое плечо, на котором виднелись отметины ее зубов. – Если только, конечно, ты не захочешь время от времени ради разнообразия приезжать сюда.

Иными словами, теперь, когда они были женаты, Руфус собирался использовать ее для удовлетворения своих сексуальных потребностей, словно она была его очередной любовницей.

Ну это мы еще посмотрим, подумала Габриэлла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– Куда ты, черт побери, исчезла днем?

Посмотрев на отражение Руфуса в зеркале ванной, Габриэлла обрадовалась, что успела завернуться в полотенце прежде, чем он вошел.

Впрочем, он не нуждался в ответе. Было ясно, что она ускользнула из квартиры, пока он принимал душ. Квартиры, где они только что занимались любовью. Квартиры, куда Руфус водил своих любовниц.

Он не последовал за ней. Ее надменная падчерица сказала ей, что «папа обычно возвращается работы в семь часов». Сейчас было начало восьмого.

Не удосужившись обернуться, Габриэлла продолжала смотреть на его отражение в зеркале. Взяв флакончик своего любимого лосьона, она брызнула немного на ладонь и принялась натирать им руки.

– Я думала, на сегодня наше общение друг с другом закончилось, – насмешливо произнесла она.

Его рот дернулся.

– Правда? Или ты просто сбежала как маленькая трусиха?

– Пожалуйста, выйди из моей ванной, Руфус, – произнесла Габриэлла, с вызовом глядя на него. Он наблюдал за ее движениями, его глаза потемнели от желания, но она больше не собиралась уступать. – Кажется, твоя комната находится дальше по коридору.

Руфус непринужденно прислонился к дверному косяку.

– А что ты будешь делать, если я не уйду? Звать на помощь?

– Если понадобится, – хладнокровно произнесла она, натирая плечи лосьоном.

Руфус глубоко вдохнул. Его раздражало, что она была такой холодной после того, что произошло между ними. Днем Габриэлла была горяча как огонь. Почему она так внезапно переменилась?

Поскольку они должны были прожить шесть месяцев под одной крышей, он намеревался в течение этого времени спать вместе со своей женой. Учитывая ее поведение на Майорке и их сегодняшнюю близость, он думал, что она захочет того же.

Габриэлла не могла отрицать, что ее влечет к нему.

Тогда почему сегодня днем, после того как они доставили друг другу незабываемое наслаждение, она воспользовалась его недолгим отсутствием и сбежала из квартиры?

– Я просила тебя уйти, Руфус, – спокойно повторила девушка.

По-прежнему не устаивая его взглядом, она втирала лосьон в грудь.

Грудь, которую он целовал и ласкал, доводя ее до экстаза.

Ее длинные темные волосы были собраны на затылке, обнажая изящный изгиб ее шеи и нежную кожу...

Почувствовав на себе его горящий взгляд, Габриэлла подняла глаза.

– Ты все еще здесь?

Он резко вдохнул.

– Я тоже здесь живу.

– Как я уже сказала, твои ванная и спальня находятся дальше по коридору, – отрезала она.

– А может, мне здесь нравится больше, чем в моей комнате? – усмехнулся он.

– В таком случае мы можем поменяться комнатами. – Она пожала плечами.

Это была совсем другая Габриэлла. Она отличалась от восемнадцатилетнего подростка, которого он знал пять лет назад, и от женщины, сгоравшей сегодня днем в его объятиях. Это была более спокойная и сдержанная Габриэлла.

– Мне сказали, что ужин будут подавать в восемь часов.

Она слегка наклонила голову.

– Это я отдала распоряжение экономке.

Руфус мрачно улыбнулся.

– Значит, ты не возражаешь против выполнения некоторых обязанностей жены.

Габриэлла по-прежнему не сводила с него глаз.

– Некоторых, – подчеркнула она. – Но я сама буду выбирать, какие обязанности выполнять, Руфус.

Очевидно, она намекала на то, что не собирается с ним спать в течение следующих шести месяцев.

Черт побери! Ее неожиданный отказ обрушился на него как снег на голову.

– Разве ты не должен сейчас зайти к Холли? – спросила она. – Твоя дочь сказала мне, что ты всегда проводишь с ней полчаса перед тем, как она ложится спать.

Руфус нахмурился.

– Ты меня критикуешь, Габриэлла?

– Ну, если ты так считаешь, – мягко произнесла девушка.

Внутри она вся дрожала. Картины их близости ясно вырисовывались перед ее внутренним взором. Они напоминали ей о том, как она потеряла над собой контроль в объятиях Руфуса.

Этого не должно было произойти, но все случилось так неожиданно, что она не нашла в себе сил устоять перед соблазном.

Уступив Руфусу, она призналась ему в собственной слабости, и теперь ей нужно было во что бы то ни стало убедить его в обратном.

Его губы сжались в тонкую линию.

– Мои отношения с дочерью тебя не касаются!

Ее темные брови взметнулись вверх.

– А у вас они есть?

Его глаза сузились.

– Объясни, что это значит.

Габриэлла с ностальгией вспоминала свои школьные годы. Ее мать всегда ждала ее возле школьных ворот, чтобы пойти вместе домой. Затем они обе сидели на кухне и за чашкой горячего шоколада обсуждали события прошедшего дня. Мать помогала ей делать домашние задания, а потом они вместе готовили ужин.

Конечно, все немного изменилось, когда они остались вдвоем, и Хитер пришлось работать на полную ставку, чтобы обеспечить себя и дочь. Но Габриэлле тогда уже было почти четырнадцать, и она вполне могла сама о себе позаботиться. Ей приходилось самой готовить ужин, потому что ее мать зачастую приходила с работы слишком усталой. Именно тогда Габриэлла и поняла, что кулинария – это ее призвание.

Холли Грешем было семь лет. Ее возил в школу и забирал после занятий шофер. После школы она пила на кухне чай в компании кухарки, затем шла к себе в комнату и ждала прихода отца, чтобы провести с ним полчаса перед сном.

Девочка рассказала ей обо всем этом, когда Габриэлла днем зашла к ней в комнату.

Холли определенно была дочерью своего отца. Казалось, она унаследовала все его высокомерие и самодовольство и не возражала против того, чтобы торчать полдня одной в своей комнате. У всех складывалось такое впечатление, что этой девочке вообще никто не был нужен.

Но по мнению Габриэллы, для семилетнего ребенка Холли была слишком зрелой и серьезной.

Она понимала, что Руфусу пришлось тяжело, когда он остался с двухмесячной дочкой на руках. В конце концов, он был занятым человеком, поэтому не мог сам заботиться о ребенке. За Холли присматривали квалифицированные няни, пока два года назад она не пошла в школу. Судя по огромному количеству дорогих игрушек, которыми была завалена комната Холли, Руфус с их помощью откупался от своей дочери, вместо того, чтобы уделять ей больше времени и дарить отцовскую любовь, в которой она, росшая без матери, так нуждалась.

Руфус сказал, что его отношения с дочерью не касались Габриэллы, и она не собиралась в них лезть. Но она также не собиралась отказываться от собственного мнения или держать его при себе.

И, судя по мрачному выражению лица Руфуса, ее слова пришлись ему не по душе.

– Я же говорил тебе держаться подальше от Холли, – отрезал он.

Габриэлла пожала обнаженными плечами.

– Я подумала, что кто-то должен проверить, жива она или нет.

– Ты не имела права, черт побери...

– Более того, – решительно продолжила девушка, – я не люблю, когда мне указывают, что я могу делать, а что нет.

– Тогда пришла пора привыкать к этому, – процедил он сквозь зубы.

– Ты мне угрожаешь, Руфус?

Он долго смотрел на нее, возмущенный тем, что она посмела его критиковать.

– Нет, я не угрожаю тебе, Габриэлла, – наконец произнес он обманчиво мягким тоном. – Я просто удивлен, что меня критикует женщина, чья мать была...

– Я советую тебе остановиться прямо сейчас, – холодно ответила девушка, гордо вскинув подбородок. – Как насчет того, чтобы заключить небольшую сделку? – язвительно продолжила она. – Ты оставляешь в покое мою мать, а я не буду критиковать твои родительские качества. Как ты на это смотришь?

Как на оскорбление, мрачно подумал он.

Шесть месяцев под одной крышей с этой женщиной покажутся ему вечностью!

Взяв с полки свои часы, Габриэлла посмотрела на них.

– Если ты не уйдешь прямо сейчас, ты не сможешь провести полчаса перед ужином с Холли.

– Я так понимаю, ты тоже собираешься присутствовать за ужином. – Его брови взметнулись вверх.

– А почему я не должна этого делать? – с вызовом произнесла она.

Руфус пожал плечами.

– Я думал, что по вечерам ты работаешь в бистро или что-то в этом роде.

– Больше не работаю. Я вчера уволилась, Руфус. С понедельника я начну заниматься переоборудованием «Габриэллас», – напомнила ему она.

Черт побери! После всего, что произошло сегодня, он совсем забыл, что им придется работать бок о бок!

– Время бежит, Руфус, – съязвила Габриэлла. – Ты не должен заставлять Холли ждать.

Тоби был прав, мрачно подумал Руфус, выходя из ее комнаты. Он не был уверен, что сможет целых шесть месяцев терпеть присутствие Габриэллы в своем доме.

* * *

– Где твое обручальное кольцо?

Габриэлла холодно посмотрела на Руфуса, когда они вдвоем сидели за накрытым столом. Ужин был подан пятнадцать минут назад, но ни один из них почти не притронулся к еде.

Прежде чем спуститься в столовую, Габриэлла хорошо все обдумала. Она решила впредь держаться с Руфусом с холодной вежливостью.

Вспышки гнева ни к чему не приведут. Он обернет их против нее самой.

После его бесстыдного предложения она не могла быть с ним любезной, но игнорировать его тоже было бесполезно. Поэтому она будет молчать, пока он сам к ней не обратится.

Как сейчас.

— Я сняла его, перед тем как принять душ, — спокойно ответила она. — Не хотела, чтобы оно окислилось у меня на пальце.

Кроме того, оно безжалостно напоминало ей, что она теперь не принадлежит самой себе.

— Что это, черт побери, значит? — недоверчиво спросил Руфус, положив вилку. — Думаешь, я подарил тебе какую-то металлическую безделушку со стекляшкой?

Ее глаза расширились от удивления.

— Ты хочешь сказать, что золото и бриллианты настоящие?

Они совсем не походили на молодоженов, подумала Габриэлла. На ней было черное платье до колен, на Руфусе — брюки от костюма и рубашка. Они даже не пытались произвести друг на друга впечатление.

— Разумеется, настоящие, — раздраженно ответил Руфус, недоверчиво глядя на нее. — Зачем мне дарить моей жене фальшивое кольцо?

— Почему нет? Это ведь фальшивый брак! — отрезала она. — Или ты просто боялся, что кто-нибудь может заметить фальшивое кольцо на безымянном пальце жены Руфуса Грешема?

Она снова бросала ему вызов, и он был готов его принять. Но в то же время ему не хотелось поддаваться на ее провокацию.

— Я только спросил, Габриэлла, — спокойно ответил Руфус — Можешь делать с этим дурацким кольцом все что хочешь. — Он продолжил есть своего лосося.

Он согласен играть в ее игру, но только по своим правилам.

— Как Холли? — спросила Габриэлла после нескольких минут молчания.

— Отлично, — отрывисто бросил он. — Она немного удивлена, что тетя Габриэлла стала ее мачехой, но в остальном все в порядке.

— Наверное, тебе не следовало ей говорить.

— Ну конечно. — Руфус нетерпеливо вздохнул. — По-твоему, было бы лучше, если бы она услышала, как кто-то из прислуги назвал бы тебя миссис Грешем?

Положив вилку и нож, Габриэлла промокнул губы салфеткой, прежде чем ответить ему.

— Слуги называют меня мисс Габриэлла, — спокойно произнесла она. — Полагаю, ты сказал Холли, что наш брак лишь временное соглашение? Что я не буду вмешиваться в ваши с ней отношения?

У Руфуса пропал аппетит. Он надеялся, что они будут как можно реже ужинать наедине.

Он с грохотом отложил в сторону вилку.

— Я не привык оправдываться.

Габриэлла слегка наклонила голову.

— Очевидно, ни перед кем.

— К черту все это! — Поднявшись, он бросил салфетку на стол. — Слава богу, что в следующем месяце я отправляюсь на несколько дней в Нью-Йорк. Но, боюсь, этого будет маловато.

Внешне Габриэлла никак не отреагировала на его эмоциональную вспышку, но в душе испытала облегчение от того, что на несколько дней она будет избавлена от его волнующего присутствия. В то же время к этому примешивалось чувство пустоты.

Она будет рада его отсутствию, сказала себе Габриэлла. А под ложечкой у нее сосало оттого, что она плохо поела.

— Ну? — подтолкнул ее он. — Тебе нечего на это сказать?

Габриэлла бросила на него яростный взгляд.

— Может, приятного путешествия?

Руфус глубоко вдохнул.

— Я имел в виду, что-нибудь о Холли.

Она поморщилась.

— Но ты ведь только что запретил мне критиковать твои родительские качества.

— Я так понимаю, это один из тех случаев, когда решила сделать так, как я велел.

— Именно! — согласилась она.

Руфус нетерпеливо покачал головой. Ему хотелось убраться отсюда, пока он не придушил ее. Обычно, приходя домой, он отдыхал после напряженного рабочего дня, но сегодня был готов взорваться. И это могло найти выражение в разных формах.

– Возможно, у меня возникнут в Нью-Йорке какие-нибудь неотложные дела, и мне надо будет задержаться там на месяц, – отрезал он. – Таким образом, мне придется терпеть твое присутствие на четыре недели меньше.

Она с самого начала знала, что последнее, чего он хотел, это жениться на ней, но его слова причинили ей боль.

Все дело было в том, что произошло между ними днем в его квартире.

Габриэлла не ожидала, что окажется с ним в постели сразу же после свадьбы. По правде говоря, она вообще не думала, что это когда-нибудь произойдет. Она не могла забыть, как страстно они жели друг друга.

Это разительно отличалась от того, что произошло на Майорке. Тогда она была полна девичьих мечтаний и безнадежно влюблена. Сегодня она отдалась ему со страстью зрелой женщины и ужасно боялась, что это могло повториться в любое время.

Но еще больше она боялась, что этого могло не случиться.

Разве это не было нелепо?

Руфус пристально уставился на нее, словно пытаясь прочитать ее мысли.

Придав своему лицу непроницаемое выражение. Габриэлла с вызовом посмотрела на него.

К счастью, он быстро повернулся и направился к двери.

– Руфус? – Габриэлла остановила его.

Глубоко вдохнув, он оглянулся и вопросительно посмотрел на нее.

– Да?

– На твоём месте, я бы продолжала пользоваться квартирой, – язвительно посоветовала она.

Теперь у него не останется сомнений насчет того, что она не желает делить с ним постель. Его бледно-зеленые глаза сверкали от ярости.

– Не беспокойся, я так и сделаю, – насмешливо ответил он, затем повернулся и вышел из комнаты.

Габриэлла слышала, как за ним захлопнулась дверь кабинета, принадлежавшего раньше его отцу. Облегченно вздохнув, она бессильно опустилась на стул и закрыла лицо руками.

После того как она поняла, что натворила, ей захотелось как можно скорее убраться из его квартиры.

Руфус ни в коем случае не должен узнать, что он был ее первым и единственным любовником.

ГЛАВА ПЯТАЯ

– Что ты делаешь, черт побери?

Слегка покачнувшись на верхней ступеньке стремянки, Габриэлла удержала равновесие и посмотрела на Руфуса, стоящего внизу.

Наверное, она похожа на огородное пугало, подумала девушка. Ее густые темные волосы были собраны с помощью шарфика на затылке, но несколько непослушных прядей выбились из прически. На покрасневшем от старания лице не было ни следа косметики, на носу красовалось пятно грязи. Ее черные джинсы и фиолетовая футболка были изрядно поношенными, но вполне подходили для того, чтобы снимать со стен пыльные искусственные растения и картины.

В отличие от нее, Руфус, как обычно, выглядел просто потрясающе в деловом костюме и кремовой рубашке с подходящим по цвету галстуком.

Они прибыли в «Грешемс» по отдельности. Подождав, пока Руфус уедет, она добралась железнодорожной станции и села на поезд. За два часа после своего прибытия она видела Руфуса в первый раз.

– А что, по-твоему, я делаю? – раздраженно спросила она, осторожно спускаясь вниз.

Ей меньше всего хотелось потерять равновесие и упасть на руки Руфусу после того, как они все выходные держались отстраненно.

Впрочем, это оказалось несложно. Руфус, не то по привычке, не то из-за их разговора в пятницу вечером, в субботу взял Холли с собой в офис, воскресенье повез ее на прогулку. Оба раза возвращались в Грешем-Хаус после ужина, укладывал Холли спать, а затем закрывался в своем кабинете.

Таким образом, Габриэлла провела выходные в одиночестве, слоняясь от скуки по огромному дому.

– Я думал, ты собиралась нанять рабочих. – Руфус нахмурился. Снаружи он заметил объявление, в котором говорилось, что ресторан «Габриэллас» будет открыт через две недели.

– Я наняла их. – Спустившись вниз, девушка вытерла о джинсы пыльные руки. – Они приступают завтра. Я подумала, что сама могу сделать подготовительную работу. – Она пожала плечами. – К тому же я терпеть не могу искусственные растения. – Она наморщила нос.

– Ты предпочитаешь естественность, не так ли? – насмешливо спросил он.

Габриэлла смирив его взглядом.

– Да, во всем.

Руфус не знал, что она приехала в «Грешемс», до тех пор, пока ему не сказал об этом кто-то из сотрудников. Последние полчаса он боролся с искушением спуститься вниз и увидеться с ней.

Она была очень красивой, нехотя признал он. Непокорные пряди ее густых черных волос выбились из-под фиолетового шарфика, которым она собрала их на затылке. Ее щеки порозовели, на носу было пятнышко грязи. Фиолетовая футболка обтягивала ее полную грудь, а джинсы с заниженной талией открывали плоский загорелый живот и подчеркивали длинные стройные ноги.

Он намеренно избегал ее все выходные. Хотел наказать ее за то, что она не хотела его так же сильно, как он ее.

Он не прикасался к ней всего два дня, а уже сходил с ума от желания.

Сейчас она стояла рядом с ним и выглядела очень сексуальной даже без модной одежды и макияжа.

– Я тоже предпочитаю естественность, – с вызовом ответил он. – Вот только жаль, что ее часто бывает трудно найти.

– Продолжай искать, Руфус, – усмехнулась она. – Уверена, однажды тебе повезет.

– Может, я вовсе не хочу ее находить, – возразил он.

Габриэлла пожала плечами.

– Как хочешь.

За год, проведенный с Анджелой, он хорошо узнал, что такое притворство. Поведение матери Габриэллы лишь укрепило его мнение о женщинах. Теперь Габриэлла пользовалась своей сексуальностью с этой же целью.

Но он все равно хотел ее!

Руфус криво усмехнулся.

– Мне сказали, что ты здесь, и я подумал, что ты, возможно, захочешь пообедать в столовой вместе со старшими сотрудниками.

Габриэлла недоверчиво посмотрела на него. Неужели он наконец вспомнил о ее существовании?

– Ты хочешь, чтобы мы изображали перед твоими сотрудниками счастливых молодоженов, Руфус? – язвительно произнесла она. Не было ни одного человека в «Грешемс», который не знал бы, что они поженились в прошлую пятницу.

Как и ожидал Руфус, их свадьба стала главной новостью всех субботних газет. Несколько таблоидов даже поместили на обложке их фотографию заголовком «Наследники Грешема женятся».

Но, слава богу, это было однодневной сенсацией, и в воскресных газетах новостью номер один уже стал очередной скандал в правительстве.

Его губы сжались в тонкую линию.

– Уверю тебя, все мои сотрудники слишком тактичные люди, чтобы задавать вопросы о нашем браке. – Впрочем, утром он получил несколько поздравлений и пожеланий.

– В это с трудом верится, не так ли? – криво усмехнулась Габриэлла.

Интересно, догадывается ли она о том, какое сильное желание пробуждает в нем, подумал Руфус. Наверное, нет. Иначе она попыталась бы это предотвратить.

Габриэлла злорадно улыбнулась.

– Должно быть, тебе трудно с этим смириться!

– Вовсе нет, – спокойно ответил Руфус. – Но, может, ты захочешь привести себя в порядок, – насмешливо протянул он, – прежде чем присоединиться к нам наверху.

Подождав, пока он уйдет, Габриэлла высунула язык. Это был детский жест, но он заставил ее чувствовать себя...

– Уверен, мы могли бы найти лучшее применение твоему языку, Габриэлла, – хрипло произнес он, не оборачиваясь, затем исчез за дверью.

... полной идиоткой!

Усевшись на нижнюю ступеньку стремянки, девушка глубоко вдохнула, понимая, что проигра-

ла этот раунд.

По этой причине она сразу не пошла вверх в столовую, а последовала совету Руфуса, умылась, отряхнула одежду и распустила волосы. Чем дольше она задержится, тем больше будет вероятность того, что Руфус уже закончит обедать и вернется к себе в кабинет.

Габриэлла поняла, что ей не повезло, как только она вошла в столовую и увидела там Руфуса, сидящего за столом с руководителями отделов.

Место рядом с ним было свободным. Ее место...

– Прости, что задержалась, дорогой, – хрипло произнесла она, поцеловав его в губы, затем села в кресло рядом с ним.

– Ничего страшного, дорогая, – подыграл ей Руфус. – Я знаю, как ты занята.

Габриэлла соблазнительно улыбнулась.

– Но не настолько, чтобы не выкроить время для обеда с любимым мужем. Ты не хочешь меня представить, Руфус? – Она посмотрела на других людей, сидящих за столом и изучавших ее с неподдельным интересом.

Руфус назвал имена своих сотрудников, уверенный в том, что к концу обеда она забудет половину из них. Она продолжала с ним играть. Очевидно, ей хотелось поставить его в неловкое положение перед его менеджерами.

Он повернулся так, чтобы его бедро коснулось ее бедра, и ее инстинктивная реакция сказала ему, что ее холодность была притворной.

– Ммм... ты так вкусно пахнешь, дорогая, – прошептал он, коснувшись губами ее губ.

Отпрянув, Габриэлла неуверенно посмотрела на него.

– Я не знала, что тебе нравится запах пыли, дорогой, – парировала она.

Руфус придвинулся ближе и очаровательно улыбнулся.

– Для меня ты всегда чудесно пахнешь, дорогая, – заверил ее он, убирая ей за ухо прядь волос.

Этого хода Габриэлла никак не ожидала! Руфус никогда не проявлял своих чувств на публике. Она была уверена, что он не станет этого делать.

Особенно по отношению к женщине, на которой никогда бы не женился по собственной воле.

Ее губы все еще покалывало от поцелуя, его дыхание согревало ей шею. У нее пропал аппетит, хотя она с утра ничего не ела. Она могла бы отодвинуться от Руфуса, но подобное поведение женщины, недавно вышедшей замуж, показалось бы странным его сотрудникам, поэтому у нее не осталось выбора.

– Почему ты не делаешь заказ, дорогая? – мягко спросил Руфус – Тебе не нужно сидеть на диете. Ты и так стройная.

Габриэлла приторно-сладко улыбнулась.

– У меня нет аппетита, Руфус. Наверное, я влюблена.

Прочитав в ее глазах вызов, он положил руку ей на плечи и хрипло произнес:

– Возможно, нам следовало бы отправиться в долгое свадебное путешествие, а не откладывать его до лета.

Свадебное путешествие? Дни и ночи наедине с Руфусом? Она так не думала!

Руфус почувствовал, как его удар попал в цель: ее плечи напряглись. В этот момент до него дошло, что его сотрудникам могло показаться немного странным, что он всего через два дня после свадьбы вернулся к работе.

Впрочем, он не ожидал, что Габриэлла так отреагирует на упоминание о свадебном путешествии.

– Думаю, мне пора возвращаться к работе, – произнесла девушка, снимая с плеч его руку. – Была рада познакомиться с вами, Патрик, Мэй, Джефф, Найджел и Джен. – Улыбаясь, она встала.

Руфуса удивило, что она запомнила имена всех менеджеров.

– Я пойду с тобой, – решительно сказал Руфус, поднимаясь.

Она удивленно посмотрела на него.

– Не нужно прерывать ради меня свою встречу.

– Она в любом случае уже закончилась. – Пожав плечами, Руфус положил руку ей на талию и повел ее к выходу.

На самом деле он даже не помнил, о чем разговаривал со своими сотрудниками!

Присутствие этой женщины плохо сказывалось на его мыслительных способностях.

– На нас все смотрят, – пробормотала Габриэлла.

– Мужчины смотрят на меня с завистью, – ответил Руфус, улыбнувшись кому-то.

– Полагаю, женщины смотрят на меня также? – съязвила она.

– Вполне возможно, – ухмыльнулся Руфус.

Она в этом не сомневалась. Руфус с его сногшибательной внешностью и природным обаянием был самым привлекательным мужчиной, которого она когда-либо знала. То, что он был владельцем этого здания, лишь придавало ему еще большую власть над остальными.

Хотя, с удовлетворением отметила про себя Габриэлла, была одна часть здания, которая ему не принадлежала. Даже когда условленные шесть месяцев подойдут к концу, она по-прежнему останется владелицей ресторана «Габриэллас».

– Почему ты так самодовольно улыбаешься? – спросил ее Руфус.

Она посмотрела на него с обманчивой наивностью.

– Я просто подумала, что сказали бы твои старшие сотрудники, если бы узнали, что их строгий босс начал раздевать свою молодую жену прямо в лифте.

– Может, повторим? – насмешливо спросил Руфус, когда перед ними раскрылись двери частного лифта.

Сейчас было не самое подходящее время вспоминать о том инциденте.

– Думаю, я лучше пойду пешком. Здесь всего два этажа.

Руфус цинично рассмеялся.

– Боишься, Габриэлла?

– Мне необходимо больше двигаться, – решительно заявила она.

Нахмурившись, он посмотрел на нее. Это было не так. Она была намного худее, чем пять лет назад, но худоба лишь подчеркивала полную грудь. Грудь, которую прикрывала тонкая ткань футболки.

Эта мысль не давала ему покоя, когда он обсуждал с менеджерами выставки и продажи.

– В таком случае, я тоже пройдусь.

– Руфус... – Она неуверенно посмотрела на него. – Разве тебе не нужно работать?

Он пожал плечами.

– Дела могут подождать.

В отличие от нее.

Внезапно Габриэлла почувствовала, что не может больше ждать. От его волнующей близости обострились все ее чувства, она физически ощущала его присутствие. У нее внутри все горело от желания.

Ее влечение к Руфусу не могло сравниться по силе ни с каким другим ощущением и лишало ее самоконтроля.

Она знала, каково было его мнение о ней, но это не могло ослабить ее влечение к нему. Ее кожу покалывало всякий раз, когда он брал ее за локоть.

Ее дыхание участилось, но вовсе не из-за того, что она спустилась вниз пешком. Ее щеки пылали, каждая нервная клеточка в ее теле звенела от напряжения.

Руфус почувствовал, как Габриэлла напряглась, и украдкой посмотрел на нее. На ее щеках горел румянец, соски проступили сквозь ткань футболки.

Он сдерживался лишь до тех пор, пока они не оказались в помещении ресторана. Тогда он заключил ее в объятия и приник к ее губам в горячем ненасытном поцелуе.

Казалось, ее руки были повсюду. Они проникли под его пиджак и гладили его спину, затем, расстегнув пуговицы на его рубашке, принялись ласкать его разгоряченную кожу.

Руфусу хотелось овладеть ей, и он, поддавшись искушению, стянул с нее футболку, а затем наклонился и взял в рот затвердевший сосок.

Габриэлла застонала от наслаждения, ее пальцы зарылись в его густые светлые волосы. Тогда он, отрываясь от ее груди, начал расстегивать молнию на ее джинсах.

– Не здесь, Руфус... В книжном отделе полно народа, – протестовала она, плаваясь словно воск его объятиях.

Он поднял голову и посмотрел на нее потемневшими от страсти глазами.

– Я должен, Габриэлла... Должен!

С этими словами он прижал ее к стене и, лаская одной рукой ее грудь, запустил другую ей под трусики.

Габриэлла поняла, что пропала, в тот момент, когда его пальцы раздвинули складку между ее бедер и принялись ласкать влажную пульсирующую плоть.

Волны желания окатывали ее одна за другой, потрясая ее до глубин женского естества, и она вцепилась ему в плечи, чтобы не упасть.

– Да, Габриэлла! Да... – воскликнул он, блуждая руками по ее обмякшему телу. Ее щеки по-

краснели, глаза потемнели от страсти, темные волосы струились блестящим каскадом по обнаженным плечам. Ему так хотелось зарыться, в них лицом. – Габриэлла...

– Я слышу какой-то звук, – испуганно пролепетала девушка, внезапно напрягшись.

Из книжного отдела доносился стук каблуков по мраморному полу. Было очевидно, что их обладательница направлялась в сторону ресторана.

Габриэлла отстранилась от Руфуса и, не осмеливаясь взглянуть на него, дрожащими руками натянула футболку и застегнула джинсы.

Ей с трудом верилось в то, что она снова чуть не совершила ужасную ошибку.

Это было безумием. Они находились посреди «Грешемс»!

Любому вошедшему человеку будет достаточно один раз на них взглянуть, чтобы понять, чем они только что занимались.

Едва Руфус успел застегнуть рубашку и поправить галстук, как из-за ширмы показалась секретарша Руфуса. Даже если она и заподозрила что-то, то не подала виду, хотя ее улыбка была немного виноватой.

– Простите, что помешала, мистер Грешем, но вам звонили из нью-йоркского магазина и просили, чтобы вы срочно с ними связались. – Она виновато посмотрела на Габриэлла.

Та почувствовала себя неловко. Очевидно, секретарша поняла, чему именно она помешала.

Руфус, надо отдать ему должное, вел себя как ни в чем не бывало.

– Я буду через несколько минут, Стейси, – невозмутимо произнес он.

– Мы все с нетерпением ждем открытия нового ресторана, миссис Грешем, – искренне сказала та Габриэлле.

– Спасибо, – ответила девушка, внезапно почувствовав симпатию к секретарше Руфуса, хотя ей не очень понравилось обращение «миссис Грешем».

– Я сделаю звонок и вернусь, – сказал ей Руфус, когда они снова остались наедине.

Чтобы закончить начатое?

Это было бы настоящим безумием!

Не глядя на него, она тяжело сглотнула.

– Будет лучше, если мы все обсудим вечером дома.

Все обсудим?

Им было нечего обсуждать. Они не могли провести и пяти минут вместе, чтобы их не начало влечь друг к другу.

И никакими разговорами на свете нельзя было этого изменить.

Руфус долго смотрел на Габриэлла, понимая, что было уже поздно. Ее лицо побледнело, в фиолетовых глазах читалась неуверенность.

Он отрывисто кивнул.

– Тогда увидимся позже.

– Да, – хрипло произнесла она, по-прежнему не глядя на него.

А ему хотелось, чтобы она смотрела на него, лаская взглядом. Хотелось прикоснуться к ее обнаженному телу и увидеть ответный огонь желания в ее глазах.

Приподняв ее голову за подбородок, он заглянул ей в глаза и хрипло произнес:

– Нам нужно поговорить, Габриэлла.

Ее взгляд стал настороженным, голос взволнованным.

– О чем?

Он невесело улыбнулся.

– Во-первых, об этом.

Под этим он, должно быть, имел в виду их неконтролируемое влечение друг к другу. Ей не хотелось с ним об этом говорить по причине его враждебного отношения к ней.

Отстранившись, она гордо вскинула подбородок.

– О животной похоти, Руфус?

Его глаза опасно сузились, губы сжались в твердую линию.

– Я должен идти, Габриэлла, – хрипло произнес он, – но мы обязательно поговорим, – предостерегающе добавил он, направляясь к выходу.

Когда он исчез за ширмой, отгораживающей ресторан от книжного отдела, Габриэлла дала волю слезам.

Она вдруг осознала, что все еще любит его.

Она влюбилась в Руфуса пять лет назад и любила его до сих пор. Почему и как это получилось, не имело значения.

Ее чувству не суждено было стать взаимным.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Значит, ты действительно вышла за него замуж.

Услышав насмешливый голос, Габриэлла резко обернулась и снова чуть было не упала со стремянки.

– Здравствуй, Тоби, – язвительно произнесла она, глядя на незваного гостя.

На нем были потертые джинсы, черная футболка и коричневый замшевый пиджак. Высокий темноволосый Тоби был очень красив, но она всегда оставалась к нему полностью равнодушной.

– Чего ты хочешь? – холодно спросила она, спустившись вниз.

– Во-первых, поздравить тебя, – насмешливо протянул он. – Во-вторых, спросить, как тебе нравится быть женой моего дорогого кузена.

Ее губы дернулись.

– А с чего ты взял, что я захочу тебе об этом рассказать?

Он беспечно пожал плечами.

– А почему бы и нет?

– И ты еще смеешь спрашивать? – отрезала она. – После того, что ты со мной сделал...

– Пытался с тобой сделать, – поправил он. – Разве я был виноват в том, что ты решила, будто я тебя не интересую?

Ее глаза расширились.

– Ты никогда не интересовал меня как мужчина, Тоби, – заверила его она.

– Что ж, тогда это не моя вина. – Он снова пожал плечами. – Ты не можешь винить меня за попытку...

– Еще как могу, – неистово возразила она.

– Почему бы нам не забыть прошлые обиды, Габриэлла? – настаивал Тоби. – Уверяю тебя, я уже обо всем забыл.

Ее глаза недоверчиво расширились. Он забыл о том, как пришел к ней в спальню три месяца назад, когда она приехала навестить Джеймса на выходные? Забыл о том, как целовал ее, бросал на кровать, срывал с нее одежду, шептал ей на ухо непристойности?

Слава богу, Джеймс пришел вовремя и помешал ему ее изнасиловать. Он запретил Тоби переступать порог «Грешем-Хаус».

– Убирайся отсюда, Тоби! – приказала она. – Уходи!

– Ты не хочешь узнать, как можно прямо сейчас положить конец вашему браку с Руфусом и прибрать к рукам двадцать пять миллионов? – Выдвинув стул, Тоби уселся на него.

Габриэлла покачала головой.

– То, что ты хочешь мне сказать, меня не интересует.

– Но ты еще ничего не слышала...

– И не хочу! – категорически заявила она, зная, что от этого мерзавца нельзя было ждать ничего хорошего. – Как ты узнал, что мы с Руфусом поженились?

Тоби пожал плечами.

– Для этого мне понадобилось просто позвонить Дэвиду Брюстеру. Он был безумно рад сообщить мне, что вы собрались выполнить условия моего покойного дядюшки и пожениться. – Он поморщился. – У меня сложилось такое впечатление, что этот уважаемый джентльмен терпеть меня не может.

– Нетрудно догадаться почему, – съязвила Габриэлла. – Полагаю, это ты приложил руку к тому, чтобы у загса нас окружила толпа репортеров?

– Скажем, это была всего лишь невинная шутка с моей стороны. – Тоби беззаботно пожал плечами. – Зная, как вы с Руфусом друг к другу относитесь, я подумал, что было бы забавно увидеть вас двоих на фотографии в газете.

Габриэлла напряглась.

– И как мы друг к другу относимся?

– Руфус, очевидно, тебя глубоко презирает, – весело произнес Тоби, – а ты ему не доверяешь.

Насчет отношения Руфуса к ней он был абсолютно прав, но насчет ее чувств к Руфусу ошибался.

Впрочем, она сама лишь недавно все осознала...

– Это не твое дело, Тоби, – ответила Габриэлла. – Кажется, я просила тебя уйти.

– А я, кажется, хотел сделать тебе деловое предложение, – нетерпеливо произнес Тоби.

– Оно меня нисколько не интересует!

– Не говори так, пока не выслушаешь меня.

– Я не собираюсь тебя слушать! – воскликнула она. – Любое предложение, исходящее от тебя, вызывает подозрения.

– Очень смешно! – Тоби нетерпеливо вздохнул. – Послушай, Габриэлла, все, что от тебя требуется, это расторгнуть брак с Руфусом в течение шести месяцев и таким образом не выполнить условия, указанные в завещании. Тогда я унаследую все состояние Джеймса и разделю его пополам с тобой.

Он действительно хорошо все продумал.

– После этого мы с тобой можем пожениться, если захочешь, – хрипло произнес он. – Я всегда тебя хотел, Габриэлла.

– Я бы предпочла остаться женой Руфуса, который меня презирает, чем выйти замуж за такого мерзавца, как ты, – отрезала она.

– Не смей меня оскорблять, Габриэлла, – пробормотал он, вставая и направляясь к ней.

– Не приближайся ко мне, – предупредила его она.

– Или что?

– Я предупреждаю тебя, Тоби! – Она с яростью посмотрела на него, не зная, что делать, если он не остановится.

Если она начнет звать на помощь, то все это закончится громким скандалом посреди магазина, чего ни в коем случае нельзя было допускать. С другой стороны, она не может позволить Тоби подойти к ней. Этот человек, для которого попытка изнасилования была всего лишь шуткой, вызывал у нее отвращение.

– Что ты собираешься делать, Габриэлла? – цинично протянул он. – На этот раз здесь нет дядюшки Джеймса, чтобы защитить тебя. – Его лицо посуровело. – И учитывая то, что по твоей вине он лишил меня наследства, думаю, ты могла бы быть со мной поласковее.

Габриэлла знала, что он имел в виду под словом «поласковее». Одна мысль о близости с этим мужчиной вызывала у нее тошноту.

– Боюсь, что не получится, Тоби, – заверила его она. – Теперь ты должен уйти. Если Руфус обнаружит тебя здесь, у всех нас будут неприятности.

– Но я хочу, чтобы мы с тобой снова стали друзьями, Габриэлла, – настойчиво произнес Тоби.

Они никогда не были друзьями, лишь членами одной семьи. Разговаривали друг с другом во время семейных торжеств, пока Тоби не показал свое истинное лицо.

– Руфус может прийти в любой момент и застать тебя здесь, – убеждала она его. – Ты должен уйти.

Тоби самодовольно улыбнулся.

– Я не боюсь Руфуса.

– Правда? – произнес Руфус ледяным тоном, поднимая ширму.

Войдя в ресторан, он окинул безжалостным взглядом Габриэлла и Тоби. Его лицо было непроницаемым, и Габриэлла могла только догадываться, какую часть их разговора он подслушал.

Он и сам терялся в догадках. Габриэлла просила Тоби уйти, но делала ли она это из-за того, что ей было противно его присутствие, или просто опасалась, что их могут застать вместе?

То, что она вызывала у него желание, вовсе не означало, что он должен был изменить свое мнение о ней.

Тоби улыбнулся.

– Спокойно, Руфус. Мы с Габриэлла были друзьями задолго до вашего фиктивного брака. Три месяца назад мы повздорили. Габриэлла на меня разозлилась. Довольно сильно, раз вышла за тебя замуж, – язвительно добавил он.

– Это наглая ложь! – возмутилась Габриэлла. – Руфус, ты ведь не веришь тому, что он говорит? – Она нетерпеливо вздохнула.

Руфус не знал, чему верить. Желание, которое он испытывал к Габриэлле, лишило его способности трезво оценивать происходящее. Его приводило в ярость то, что Тоби стоял рядом с Габриэлла и утверждал, будто в прошлом они были любовниками.

Он бросил на кузена ледяной взгляд.

– Думаю, будет лучше, если ты последуешь совету Габриэллы и уйдешь, Тоби. И если ты захочешь снова увидеться с моей женой, тебе придется подождать полгода, – отрезал он. – К тому времени она станет богаче на двадцать пять миллионов.

– Руфус, неужели ты и вправду думаешь, что мы с Тоби были любовниками? – спросила Габриэлла.

Его холодный взгляд был красноречивее всяких слов. Похоже, ему доставляло удовольствие думать о ней самое худшее.

Какую часть их разговора с Тоби успел он подслушать?

Достаточно было услышать, как она умоляла Тоби уйти, чтобы поверить словам этого негодяя.

Но она просила Тоби уйти не потому, что волновалась за него. Он сам мог о себе позаботиться.

Она боялась нарушить хрупкое перемирие, которого они с Руфусом достигли сегодня.

И, судя по обвиняющему взгляду Руфуса, оно было нарушено.

Габриэлла отчаянно тряхнула головой.

– Руфус, я бы никогда...

– Не трать попусту слова, Габриэлла, – с притворным сочувствием протянул Тоби. – Разве ты не видишь, что Руфус не верит ни единому твоему слову?

Тоби был прав. Руфус действительно ей не верил. Его красивое лицо было непроницаемым, когда она встретила с ним взглядом.

Как ей переубедить его?

Это было невозможно, потому что Руфус не хотел ей верить.

– Думаю, тебе лучше уйти, Тоби, – холодно сказал Руфус молодому человеку.

Беспечно пожав плечами, тот с вызовом посмотрел на обоих.

– Позвони мне, Габриэлла, когда тебе надоест наказывать меня за нашу нелепую ссору. Подумай только, что мы с тобой могли бы сделать с состоянием в пятьдесят миллионов фунтов, если бы поженились! – заманчиво добавил он. – Да, Руфус. Я предложил Габриэлле выйти за меня замуж.

– Ей будет трудновато это сделать, потому что она уже замужем за мной, – процедил сквозь зубы Руфус.

– Брак легко расторгнуть, – самоуверенно произнес Тоби. – Когда вы разведетесь, Габриэлла станет моей женой. – Он улыбнулся. – Видишь, Руфус, Габриэлла в обоих случаях останется в выигрыше, не так ли? – язвительно добавил он.

– Убирайся отсюда! – прорычал Руфус, с трудом удерживаясь от того, чтобы не задушить своего кузена.

И Габриэлле.

Тоби насмешливо посмотрел на него.

– Я подумал, что задержусь еще ненадолго, чтобы посмотреть, как ты будешь колотить свою жену.

Губы Руфуса сжались в твердую линию, на щеке задергался мускул.

– Возможно, ты привык все решать с помощью кулаков, Тоби, – с отвращением произнес он, – но лично я не сторонник физического насилия.

– Жаль. – Тоби беззаботно улыбнулся. – Габриэлла, позвони мне, когда поймешь, что больше не можешь терпеть этого самодовольного ублюдка. Обещаю, что буду ждать. – С этими словами он вальяжной походкой направился к выходу.

Глядя кузену вслед, Руфус сжал руки в кулаки. Несмотря на свое заявление, он был готов размазать этого негодяя по стенке.

– Руфус...

– Я не намерен больше это с тобой обсуждать, Габриэлла, – отрезал он, повернувшись к ней спиной. Ее красота влекла его, но он решил для себя, что больше никогда не поддастся искушению. – Я пришел сюда лишь для того, чтобы сказать тебе, что мне нужно срочно уехать на несколько дней в Нью-Йорк по делам. – Он с отвращением тряхнул головой. – Наверное, нам будет лучше некоторое время не видеться.

Возможно, печально подумала Габриэлла, но она будет по нему скучать. Ей не хотелось себе в этом признаваться, как и в том, что Руфус совсем ей не верил.

Теперь, когда она поняла, что все еще любит его, переубедить его было больше, нежели вопросом гордости.

– Ты надолго уезжаешь? – спросила она.

Руфус холодно посмотрел на нее.

– Женское любопытство, Габриэлла? Или ты просто хочешь знать, сколько времени будет в распоряжении Тоби, чтобы... чтобы *убедить* тебя принять его предложение?

Габриэлла покачала головой.

– Это невозможно. – Она вздохнула. – Даже если бы Тоби был последним мужчиной на земле, я

бы не стала выходить за него замуж, — добавила она, содрогнувшись от отвращения.

Руфус прищурился. Похоже, она не лгала.

— Что произошло три месяца назад, Габриэлла? — спросил он.

Резко побледнев, она взволнованно посмотрела на него.

— Произошло...

Он пожал плечами.

— Три месяца назад мой отец изменил завещание. Тоби утверждает, что три месяца назад вы поссорились. Было бы логично связать два этих факта.

И очень мучительно.

Габриэлла тяжело сглотнула, зная, что дальше уклоняться от ответа было бессмысленно.

— Когда я навещала Джеймса в Грешем-Хаус, приехал Тоби. Он... — Она глубоко вдохнула. — Он пытался... Он пришел ко мне в спальню и заявил, что я все эти месяцы поощряла его ухаживания. Когда я начала уверять его, что это было не так, он попытался меня изнасиловать.

Это были самые кошмарные минуты в ее жизни. Тоби всегда производил на нее впечатление спокойного и очаровательного молодого человека, но в тот день его словно подменили. Не вмешайся Джеймс, произошло бы самое ужасное..

С тех пор она избегала Тоби.

— У вас был роман, но ты утверждаешь, что в тот день Тоби пытался тебя изнасиловать? — недоверчиво спросил Руфус.

— Между мной и Тоби никогда ничего не было! — неистово возразила она. — Если хочешь знать, в тот день он до смерти меня напугал.

— Почему-то мне в это не верится, — насмешливо произнес он.

Потому что ты никогда мне не верил, печально подумала Габриэлла. Ни единому моему слову.

— Твой отец положил этому конец и выгнал его из своего дома, — настаивала она.

— И вычеркнул из своего завещания, — протянул Руфус — Знаешь, что ты сделала, Габриэлла? Ты подняла ложную тревогу, чтобы избавиться от одного из конкурентов? Возможно, следующим буду я?

— Неужели ты и вправду так думаешь?

— А почему нет? — Он пожал плечами. — Как оказалось, мой отец поверил в то, что ты была несчастной, незащищенной девочкой, и привязал меня к тебе. Наверное, ты сама подкинула ему эту идею, чтобы отомстить мне за то, что я всегда оставался равнодушным к твоим чарам.

Габриэлла резко выпрямилась, раздосадованная тем, что он отказывался верить правде.

— Не всегда!

— Да, не всегда, — неохотно согласился он. — У нас был отличный секс, не так ли, Габриэлла?

Она тяжело сглотнула, зная, что было бы нелепо это отрицать или утверждать, что этого больше не повторится. Их влечение друг к другу было сильным и непредсказуемым.

— Да, — хрипло произнесла она.

Руфус кивнул.

— Возможно, когда я вернусь из Нью-Йорка, я снова захочу изучить эту сторону нашего брака, — презрительно усмехнулся он. — Я бы посоветовал тебе в мое отсутствие держаться подальше от Тоби.

Как будто это было так уж трудно сделать!

Если она когда-нибудь снова заговорит с Тоби, то лишь для того, чтобы высказать этому мерзавцу все, что о нем думает.

— Мне пора возвращаться к работе, — протянул Руфус, направляясь к выходу. — Я должен перед отъездом уладить кое-какие дела.

Габриэлла почувствовала себя глубоко несчастной из-за того, что они попрощались таким образом. Было очевидно, что он не поверил ни един ее слову о Тоби. То, что она все ему рассказала, лишь усложнило ситуацию и усилило его подозрения относительно изменений в завещании Джеймса.

Нью-Йорка. Несколько дней — расплывчатое понятие. Оно может означать два дня, а может и целую неделю.

Господи, как же она ненавидела себя за свою слабость. За то, что любила его так, как он ее никогда не полюбит!

— Что мне сказать Холли? — спросила она.

Руфус обернулся.

— Я не хочу, чтобы ты что-то ей говорила, — отрезал он. — Я сам способен поговорить со своей дочерью.

Другими словами, это была еще одна часть его жизни, в которой ей не было места!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вернувшись ближе к вечеру в Грешем-Хаус, Габриэлла стала невольным свидетелем того, как плохо удавалось Руфусу найти общий язык со своей дочерью.

– Ты обещал мне, что возьмешь меня с собой, когда в следующий раз поедешь в Нью-Йорк! – возмутилась Холли.

– Потому что я думал, что поеду туда в следующем месяце, когда у тебя будут каникулы, – нетерпеливо отрезал Руфус.

Они разговаривали достаточно громко, и Габриэлла, проходившая мимо гостиной, все слышала.

– Тогда почему ты не можешь поехать в следующем месяце? – сердито бросила Холли.

– Потому что не могу! – непреклонно заявил Руфус.

Следует ли ей войти и вмешаться, думала Габриэлла, или пусть сами разбираются?

Она знала, что послужило причиной плохого настроения Руфуса. Немного поостыв, он будет жалеть, что накричал на дочь. Наверное, ей было все же лучше вмешаться.

С другой стороны, если она это сделает, то они выместят всю свою злость на ней.

Разве ей к этому привыкать?

Открыв дверь, она увидела Руфуса и Холли, которые смотрели друг на друга как два заклятых врага. В этот момент они были так похожи, что у нее защемило сердце. Для своего возраста Холли была очень высокой. У нее были такие же светлые волосы и бледно-зеленые глаза, как у отца. Ее щеки горели от гнева.

Как и ожидала Габриэлла, на нее уставились две пары сверкающих от ярости зеленых глаз.

– Я могу чем-нибудь помочь? – беспечно спросила она.

– Нет! – неистово возразила Холли.

– Не груби Габриэлле, Холли, – осадил Руфус дочь.

– Почему? Ты же грубишь ей! – с вызовом бросила девочка.

Габриэлла насмешливо подняла темные брови, то время как Руфус поморщился от критики в свой адрес.

Он не мог припомнить, когда грубил Габриэлле в присутствии Холли. Наверное, все дело было в том, что он провел прошлые выходные вне дома, и его дочь подумала, что он избегает молодую жену.

Его рот сжался в твердую линию.

– То, что делаем мы с Габриэлкой, тебя не касается, Холли.

– Ты нарушил свое обещание взять меня с собой в Нью-Йорк! – снова пожаловалась Холли.

– Нет, не нарушил, – возразил Руфус.

Их спор продолжался уже десять минут, но они так ни к чему и не пришли. Женщины, даже семилетние, очень неблагоприятны, решил он.

– Я уверена, что существует веская причина, по которой папа не может взять тебя с собой, Холли, – сказала Габриэлла.

Руфус настороженно посмотрел на нее. После того, что он наговорил ей при прощании, было удивительно, что она встала на его защиту.

– По крайней мере, тебя он тоже не берет! – яростно выпалила девочка.

– Холли...

– Ты права, он меня не берет, – спокойно согласилась Габриэлла. – И это означает, что у нас есть несколько дней, чтобы лучше узнать друг друга.

– Но я не хочу лучше тебя узнавать, – возразила Холли.

– Холли, немедленно извинись! – приказал Руфус.

– Не буду, – бросила в ответ его дочь.

– Ты сделаешь это, черт побери, – твердо произнес он.

Холли обиженно посмотрела на Габриэлла, очевидно, поняв, что зашла слишком далеко.

– Извини, – неискренне пробормотала девочка. – Но она не может приказывать мне, что я могу делать, а что нет...

– Холли, прекрати!

Его терпению подошел конец. Судя по неодобрительному взгляду Габриэллы, он вел себя с дочерью неправильно.

Но Холли всегда была его уязвимым местом. Мать бросила ее, когда она была совсем маленькой, и он пытался это компенсировать. Возможно, он слишком переусердствовал, потому что дал понять дочери, что она была его слабостью.

– Габриэлла пытается быть к тебе добра, но ты этого не заслуживаешь, когда так себя ведешь, – сердито произнес Руфус. – Что скажешь, если я привезу тебе из Нью-Йорка подарок? – спросил он, видя, что его дочь по-прежнему хмурится.

– Какой подарок? – подозрительно спросила Холли. – Ты же знаешь, единственное, чего я хочу, это пони.

– Я сомневаюсь, что папа сможет привезти тебе из Нью-Йорка пони, – сказала Габриэлла. – Разве то, что папа вернется, уже само по себе не подарок?

Холли неуверенно посмотрела на нее.

– Да, но...

– Вот видишь, Руфус. – Габриэлла улыбнулась мужу. – На этот раз Холли может обойтись, без подарка.

– Я этого не говорила! – негодуя воскликнула Холли.

– Я уверена, что твой папа будет слишком занят во время этой поездки, чтобы искать для тебя подарок. Не так ли, Руфус? – спросила Габриэлла.

Руфус не знал, о чем был весь этот разговор. Он лишь понял, что Габриэлла была против того, чтобы он привозил Холли подарок в качестве компенсации.

Прежде его дочь тоже не отличалась сговорчивостью, но не было ни разу, чтобы он не привез ей подарок из командировки. Хотя вмешательство Габриэллы пришлось ему не по душе, он был благодарен ей за то, что она положила конец этому спору.

– Думаю, Холли, тебе лучше подняться наверх и вымыть руки перед чаем, – сказала она.

Холли неуверенно посмотрела на обоих взрослых, не зная, что делать дальше. Габриэлла поняла, что хотя девочка была очень избалованной, но ее вины в этом не было. Впрочем, Руфус тоже был не виноват. В конце концов, он семь лет в одиночку воспитывал дочь, что было нелегкой задачей. Без материнской любви Холли росла неуправляемой, и ему приходилось ради спокойствия их обоих осыпать ее дорогими подарками. Так было проще.

Даже у такого умного и решительного мужчины, как Руфус, было уязвимое место. Его дочь.

– Думаю, ты должна извиниться и перед папой тоже, – мягко добавила Габриэлла.

Холли смущенно посмотрела на отца, словно прося у него совета. Было очевидно, что она не привыкла к такому обращению.

Руфус понятия не имел, как вести себя дальше в такой ситуации, и потому молчал. Он не знал, почему Габриэлла защищала его перед Холли. Ему казалось, что такая женщина, как она, должна была радоваться его неспособности контролировать собственную дочь...

– Твой папа ждет. Холли. – твердо сказала Габриэлла.

Тяжело сглотнув, Холли неуверенно посмотрела на нее, затем печально улыбнулась отцу.

– Прости, пап, что нагрубила тебе, – хрипло произнесла девочка, затем бросила на Габриэлле гневный взгляд. – Но ты не думай, что папин отъезд дает тебе право мной командовать.

– Дает, Холли, – твердо произнес Руфус.

Нахмурившись, она посмотрела на него.

– Но...

– Если Габриэлла велит тебе что-то сделать в мое отсутствие, ты должна будешь ее послушаться.

– Но она мне не мать...

– Да, но она взрослый человек, живущий в этом доме, – настаивал он. – Поэтому ты должна относиться к ней с должным уважением.

Девочка постояла несколько секунд в нерешительности, словно борясь сама с собой, затем повернулась и выбежала из комнаты.

Габриэлла глубоко сомневалась, что она пошла мыть руки.

– Спасибо, – сказала она Руфусу.

Он нахмурился.

– За что?

– За то, что поднял мой авторитет в глазах Холли. – Она пожала плечами. – Учитывая твоё отношение ко мне, я не уверена, что тебе хотелось это делать, но я бы полностью потеряла уважение Холли, если бы ты встал на ее сторону.

Холли, как и ее мать Анджела, обычно закатывала истерику или впадала в ярость, чтобы до-

биться своего. Возможно, в этом была его вина, признал Руфус. Но Холли была его единственным ребенком, который к тому же рос без матери, и он сам не заметил, как избаловал ее.

Он осторожно посмотрел на Габриэллу, все еще удивленный тем, что для нее интересы Холли были на первом месте.

– И как я к тебе отношусь? – отрезал он.

Девушка поморщилась.

– Наверное, было бы лучше, если бы мы сейчас не стали касаться этой темы.

– Возможно, – согласился он, глядя на нее сквозь прищуренные веки. – Но судя по твоим словам, ты считаешь, что я балую Холли.

Габриэлла пожала плечами.

– Сейчас ей всего семь, Руфус, но если ты будешь продолжать в том же духе, то к семнадцати годам из нее вырастет настоящее чудовище.

Его губы искривились в усмешке.

– Уж кому как не тебе об этом знать!

Габриэлла напряглась. Он не мог спокойно с ней разговаривать, не отпустив какой-нибудь обидный комментарий в ее адрес.

Она уставилась на него немигающим взглядом.

– Согласно твоей теории, в семнадцать лет я была алчной охотницей за состоянием потому, что в детстве меня недостаточно баловали.

– Не помню, чтобы я говорил об определенном возрасте, – отрезал он. – Кстати, куда ты исчезла сегодня днем?

Этот неожиданный вопрос сбил Габриэллу с толку. Под его оценивающим взглядом у нее на щеках проступил румянец.

– Откуда тебе известно, что я уходила? – спросила она.

– Ты работаешь в «Грешемс», Габриэлла, а я знаю обо всем, что там происходит, – заверил ее Руфус.

– Что ты хочешь знать? – уклонилась она от ответа.

Руфус, наверное, думал, что она снова встречалась с Тоби, но Габриэлла не собиралась ему говорить, где она была в действительности. Это было ее дело. Руфус обо всем узнает в свое время. Его губы сжались в тонкую линию.

– Не пытайся играть со мной, Габриэлла. Чтобы там ни наговорил тебе Тоби, вам не удастся меня обобрать, – заверил ее он.

Она вздохнула.

– Послушай, Руфус...

– Предупреждаю, если вы с Тоби замыслите что-то против меня, я затаскаю вас по судам, и ты получишь свою часть наследства только к восьмидесяти годам.

Габриэлла глубоко вдохнула.

– Я уже говорила тебе о своем отношении к Тоби и объясняла причину.

– Может, по возвращении из Нью-Йорка мне стоит немного поболтать с ним? – усмехнулся Руфус.

– Валяй, – бросила она в ответ, не глядя на него.

Наблюдая за Габриэлой сегодня днем, он обнаружил, что она была не такая, как обычно. Она не пыталась защищаться и пропускала мимо ушей его насмешки.

– Для чего тебе понадобилось так срочно ехать в Нью-Йорк? – неожиданно поинтересовалась она.

– Почему тебя это так интересует, Габриэлла? – спросил он.

Она пожала плечами.

– Я просто подумала, какие такие срочные дела мешают тебе взять с собой Холли.

Это ложь, недоверчиво подумал Руфус. Габриэлла думала, что он собирается в Нью-Йорк, чтобы встретиться с другой женщиной, и хотела, чтобы Холли ему в этом помешала.

Как будто он мог интересоваться другими женщинами, когда его так влекло к Габриэлле, что он не мог трезво сообщать!

Его рот искривился в усмешке.

– Ты можешь поехать со мной, Габриэлла, – предложил Руфус. – Впрочем, я не могу гарантировать, что тебе удастся как следует посмотреть Нью-Йорк.

Его глаза сверкали, но на этот раз не от гнева.

Руфус по-прежнему ее хотел...

Она уставилась на него немигающим взглядом.

– Я была в Нью-Йорке. Пару лет назад мы ездили туда с мамой и Джеймсом за рождественскими подарками.

– Я помню, – протянул он. – Означает ли это, что ты хочешь поехать со мной?

О да!

Ей не хотелось, чтобы он уезжал, когда еще многое между ними оставалось нерешенным. В то же время она злилась на него за то, что он считал ее сообщницей Тоби. Если она поедет с ним в Нью-Йорк, он заставит ее заплатить за этот гнев.

Габриэлла медленно покачала головой.

– Не думаю, что это хорошая идея. Холли знает, что ты не берешь меня с собой. Она и так уже меня ненавидит.

– Она недостаточно хорошо тебя знает, чтобы ненавидеть.

– Но тебя, кажется, это никогда не останавливало! – отрезала она.

Его рот сжался в тонкую линию.

– Мы оба знаем, почему я не доверяю тебе с самого начала, Габриэлла...

– Даже если бы ты был прав насчет моей матери, это не давало бы тебе оснований считать меня алчной расчетливой тварью!

Он насмешливо посмотрел на нее.

– А твое поведение на Майорке? Ты решила соблазнить меня в тот день, Габриэлла. Я что, должен был думать, что ты делала это из юношеского любопытства?

Он никогда не поверит в то, что она была в него влюблена.

– Все так и было! – неистово воскликнула девушка. – Ты был моим красивым сводным братом, опытным мужчиной, а я в то время была тобой увлечена! – призналась она.

Руфус невесело улыбнулся.

– А я, значит, разрушил все твои девичьи мечты? – усмехнулся он.

Так оно и было.

Точно так же он разрушал ее нынешнюю любовь к нему.

Габриэлла покачала головой.

– Даже если и так, тебе было бы все равно, – призналась она.

Когда Руфус посмотрел на ее склоненную голову, его на мгновение охватило чувство вины, но он быстро отмахнулся от него. Пять лет назад Габриэлла знала, что делала. Она даже одета была надлежащим образом.

– Ты права, мне было бы все равно, – подтвердил он, борясь с искушением заключить ее в объятия и заняться с ней любовью.

Взять с собой в Нью-Йорк еще одно воспоминание о ней. Это была битва, в которой он был проигравшей стороной...

Габриэлла подняла голову и посмотрела на него широко раскрытыми глазами. В этот момент он притянул ее к себе за бедра и накрыл ее губы своими в горячем ненасытном поцелуе.

Этим поцелуем он скорее хотел ее наказать, заявить о своем обладании ею, а не доставить ей удовольствие.

И ему это удалось. Габриэлла поняла, что, как бы Руфус к ней ни относился, ей не был нужен никакой другой мужчина, кроме него.

Его глаза блестели, когда он оторвался от ее губ и отодвинул от себя.

– В мое отсутствие держись подальше от Тоби, – предупредил ее он.

С этими словами он вышел из комнаты, ни разу не оглянувшись. Габриэлла смотрела ему вслед со слезами на глазах.

Она ничего для него не значила.

Он не испытывал к ней ничего, кроме желания.

Желания, которое он будет удовлетворять когда и где захочет.

Желания, против которого у нее не было оружия.

Сегодня она узнала, что была незащищена перед любовью, которую до сих пор к нему испытывала.

Именно по этой причине она и ходила сегодня к Дэвиду Брюстеру, чтобы начать процесс, в результате которого Руфус будет вынужден ей поверить.

Возможно, для него это не будет иметь никакого значения, но, по крайней мере, она, вернув ему через полгода двадцать пять миллионов, будет знать, что он изменил свое мнение о ней.

Ее жизнь без Руфуса будет пустой, но он поймет, что заблуждался на ее счет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Габриэлле снился прекрасный сон. В нем Руфус был рядом с ней. Он обнимал ее, целовал, занимался с ней любовью, исследовал самые сокровенные уголки ее тела.

Он был нежным, ласковым.

Любящим.

Именно тогда Габриэлла поняла, что это был сон.

Руфус не любил ее.

Быстро похоронив эти мрачные мысли на задворках своего разума, она вернулась в свой сон.

Потому что хотела, чтобы Руфус ее любил?

О да!

Когда он приник губами к ее соску, она прижала его голову к своей груди и застонала от наслаждения.

– Тебе нравится, Габриэлла? – хрипло произнес он.

– О да, – выдохнула она. – Не останавливайся. Руфус. Пожалуйста, не останавливайся.

– Скажи, что еще тебе нравится. – Его пальцы нежно скользнули вниз по ее телу, обжигая ее кожу словно огонь.

Это был сон, сказала она себе, и поэтому она могла попросить у него все что угодно.

– Мне нравится, когда ты касаешься меня здесь. – Она направила его ладонь к заветному треугольнику внизу ее живота.

– Нравится? – спросил он, начиная исполнять ее желание.

– О да, – томно произнесла Габриэлла, чувствуя, как внутри нее нарастает волна желания. – Руфус... – выдохнула она, когда его губы прикоснулись к влажной пульсирующей складке между ее бедер. – О боже, Руфус... – простонала она, выгнув спину и запрокинув голову, чувствуя, как наслаждение заполняет каждую клеточку ее тела. – Ммм, – простонала она, не в силах больше терпеть эту сладкую пытку.

Наклонившись, она приподняла его голову, и он поцеловал ее в губы так нежно, что ей захотелось, чтобы этот сон никогда не кончался.

Габриэлла улыбнулась, когда Руфус провел кончиком языка по ее губам, а затем покрыл поцелуями ее шею и грудь. Тогда она запустила пальцы в его волосы и выгнулась ему навстречу.

– Еще? – хрипло произнес он.

– О да! – Издав ликующий смешок, она снова наклонилась и коснулась рукой его возбужденной плоти.

Застонав от удовольствия, Руфус упал на подушки рядом с ней.

Ее волосы щекотали его грудь, когда ее губы скользили вниз по его обнаженному торсу. Сон придавал ей смелости, которой у нее не было прежде.

– Что тебе нравится, Руфус? – хрипло спросила Габриэлла. – Тебе нравится так? – Она провела рукой по его твердой плоти. А так? – Она скользнула по ней языком. – А так? – Она поцеловала ее кончик.

– Мне нравится все, Габриэлла... – простонал он, зарываясь руками в ее волосы. – Но прошу, не мучай меня больше. Я хочу оказаться внутри тебя.

– Но чего хочу я, Руфус? – спросила она дразнящим тоном, оседлав его, не давая ему проникнуть в ее сокровенную глубину. – Я хочу, чтобы ты меня умолял, Руфус. Умолял впустить тебя.

В ответ на это он привлек ее к себе, сжал руками ее грудь и принялся ласкать большими пальцами ее затвердевшие соски. При этом он прижался к ней бедрами, умоляя ее дать ему долгожданное освобождение.

– Не сейчас, Руфус, – простонала Габриэлла. – Не сейчас! – повторила она, чувствуя, как внутри нее нарастает желание.

Когда он вобрал в рот ее сосок, она поняла, что вот-вот взорвется от желания и, тяжело дыша, бессильно упала ему на грудь.

– Сейчас, Габриэлла? – насмешливо спросил он, приподнимая ее за бедра.

– Пожалуйста... – простонала она, раздвигая ноги и направляя его внутрь себя.

– Я больше не могу сдерживаться, Габриэлла, – предупредил ее Руфус. – Я так тебя хочу!

– Иди ко мне, Руфус, – позвала его она. – Сейчас!

И они задвигались навстречу друг другу, пока их тела не слились воедино и не затрепетали в экстазе освобождения.

Это было самым сильным ощущением, которое она когда-либо испытывала, думала Габриэлла, когда они оба, обессилив, засыпали в объятиях друг друга.

* * *

Губы Габриэллы растянулись в блаженной улыбке, когда она проснулась следующим утром и, потягиваясь, как кошка, вспомнила свой эротический сон, в котором они с Руфусом доставляли друг другу незабываемое наслаждение.

Руфус снился ей не впервые, но никогда прежде она не помнила их в мельчайших подробностях. Она все еще ощущала его прикосновения, тепло его дыхания на своей коже, помнила, как он, содрогаясь в экстазе, укусил ее за плечо.

На ее левом плече остались отметины от зубов.

Но ведь это был сон. Или...

Ее глаза расширились от удивления, и она сбросила с себя одеяло, чтобы взглянуть на свое тело. Свое обнаженное тело... Но ведь ложившись вчера спать, она надела кремовую ночную рубашку.

Рубашку, которая теперь валялась на полу, скомканная.

О боже, это был не сон.

Прошлой ночью они с Руфусом действительно занимались любовью!

Ее лицо побледнело при воспоминании о той смелости, с которой она ласкала его.

Нет, Руфуса не могло здесь быть, сказала она себе. Восемь дней назад он уехал в Нью-Йорк. Все это время он не звонил ей, зато каждый день разговаривал с Холли. Он сообщил бы дочери, если бы собирался вернуться вчера вечером.

Но никаких «если бы» здесь быть не могло. Руфус вернулся вчера вечером.

И как ей теперь вести себя с ним после того, что она вытворяла ночью?

Но ведь она думала, что все это ей снилось, оправдывалась она перед собой.

– Уже почти полдевятого, Габриэлла, или ты не собираешься сегодня ехать в «Грешемс»? – слышался знакомый насмешливый голос.

Губы Руфуса искривились в ухмылке при виде того, как она смущенно натягивала на себя одеяло. Ее фиолетовые глаза сверкали от ярости, черные волосы спутались.

Прошлой ночью он вернулся домой, усталый после напряженной недели и долгого перелета. Он захотел просто полежать в постели с женщиной, чтобы немного расслабиться.

То, что последовало за этим, было совершенно неожиданным, особенно учитывая сцену их прощания восемь дней назад. Но прошлой ночью Габриэлла сотворила с ним такое, что сейчас один лишь ее вид приводил его в возбуждение.

Нахмурившись, Габриэлла посмотрела на него.

– Когда ты вернулся? – резко спросила она, надеясь до последнего, что их близость ей приснилась.

Руфус пожал плечами.

– Около часа ночи.

Габриэлла закрыла глаза, затем снова открыла и произнесла обвиняющим тоном:

– Ты пришел ко мне ночью в постель!

– Да, – кивнул он. – Мы женаты, Габриэлла.

– Да, но... но я спала, и ты этим воспользовался, – укоризненно произнесла она.

Руфус отошел от постели. На нем была темно-синяя футболка и потертые джинсы.

– Насколько я помню, ты сама требовала, чтобы это я тебя умолял.

О боже, это действительно было так. Он умолял ее дать ему желанное освобождение. Она тяжело сглотнула.

– Я думала, это был сон.

Руфус улыбнулся.

– И как часто ты видишь меня во сне?

– Только в самых страшных кошмарах, – отрезала Габриэлла, желая, чтобы он как можно скорее ушел, и она могла восстановить хоть видимость достоинства.

Впрочем, в данных обстоятельствах это было довольно трудно сделать. Руфус ее шире улыбнулся.

– Я могу дать тебе столько кошмаров, подобных этому, сколько захочешь. Буду рад тебе угождать.

В этом она не сомневалась!

– Ты не мог бы уйти, Руфус? – нетерпеливо сказала она. – На сегодня ты и так уже достаточно меня унизил.

Услышав это, он посерьезнел, но вместо того чтобы уйти, сел на кровать и провел рукой по щеке Габриэллы.

– Я не собираюсь тебя унижать, – хрипло произнес он. – Напротив, я должен тебя отблагодарить.

– Отблагодарить меня? – удивленно повторила она, натягивая одеяло до подбородка.

Руфус устало вздохнул.

– Я не сказал тебе причину, по которой мне так срочно пришлось ехать в Нью-Йорк, – мой главный менеджер попал в аварию. – Он покачал головой. – Он умер пять дней назад. Я... я был другом его семьи.

Габриэлла испытующе посмотрела на него и только сейчас заметила морщинки в уголках глаз и рта. Выражение его лица было мрачным.

– Похороны были вчера. У него осталось двое детей. Его жена так убивалась... Одним словом, я не мог дожидаться, когда уеду оттуда, Габриэлла, – произнес Руфус дрожащим голосом, лаская большим пальцем ее нижнюю губу. – Я так нуждался в том, что ты мне вчера дала, – добавил он. – Ты можешь это понять?

Его отец умер всего семь недель назад, и Руфус, как и она, еще не оправился от горя. Наверное, для него было настоящим кошмаром пережить смерть еще одного близкого человека.

– Прости, – хрипло произнесла она. – Я ничего не знала.

Находясь в Нью-Йорке, Руфус понял, что должен звонить Габриэлле. Джен, двум ее детям, служащим «Грешемс» нужна была его поддержка. Если бы он слышал голос Габриэллы, то вернулся бы домой ближайшим рейсом.

Ему ее не хватало, признался он самому себе. Какова бы ни была причина их брака, какие бы отношения ни связывали ее с Тоби, Габриэлла стала важной частью его жизни. Частью, с которой ему будет тяжело расстаться по прошествии условленных шести месяцев...

Резко поднявшись, он засунул руки в карман джинсов и спокойно произнес:

– Давай позавтракаем вместе.

Габриэлле удивила его внезапная перемена настроения. Минуту назад он поделился с ней тем, что творилось у него на душе, но, очевидно, сейчас сожалел об этой оплошности.

– Ладно, – кивнула она. – Я оденусь и спущусь вниз.

– Хорошо. Я буду ждать тебя в столовой. – С этими словами Руфус резко повернулся и вышел из ее спальни.

Когда за ним закрылась дверь, Габриэлла бессильно упала на подушки и невидящим взглядом уставилась в потолок.

Она так ждала возвращения Руфуса из Нью-Йорка. Восемь дней без него показались ей вечно-стью.

Впрочем, она ожидала, что когда он вернется, в их отношениях ничего не изменится. Он будет подозревать, что она в его отсутствие встречалась с Тоби.

Но вчера ночью Руфус, нуждаясь в ее тепле и поддержке, пришел к ней в постель, и она поняла, что заблуждалась. Они могли общаться на языке тел.

Она – потому что горячо любила его.

Руфус – потому что, несмотря на свое недоверие к ней, все еще ее желал.

– Почему ты ничего не ешь? – спросила она, присоединившись через десять минут к Руфусу в столовой.

Он поморщился.

– У меня сбились биологические часы. К тому же я выпил кофе и съел тост вместе с Холли.

Габриэлла налила себе чашку кофе и взяла круассан.

– Уверена, она была очень рада тебя видеть.

– Если только для того, чтобы пожаловаться мне на злую мачеху. – Он печально кивнул.

Настороженно посмотрев на него, Габриэлла, к своему облегчению, обнаружила, что он улыбается.

– Через два дня после твоего отъезда Холли решила есть у себя в комнате. – Она пожала плечами. – Узнав об этом, я распорядилась, чтобы прислуга больше не носила ей туда еду, и сказала Холли, что отныне она будет есть только в столовой. Поголодав один день, она поняла, что я не шутила, и на следующее утро спустилась к завтраку в столовую.

Эта битва характеров между ней и Холли вовсе не из приятных. Даже сейчас, неделю спустя,

девочка почти не разговаривала с ней за завтраком и ужином. Она быстро ела и уходила.

Руфус с восхищением и благодарностью смотрел на Габриэлла, все еще не понимая, почему она так возится с Холли. Было странно испытывать к женщине что-то, кроме желанная.

– Она была не в восторге от того, что я, последовав твоему совету, не привез ей подарка. – Он поморщился. – Моя дочь считает, что мы сговорились против нее.

Вероятность этого была столь ничтожной, что Габриэлла не удержалась от улыбки.

– Очевидно, она даже не догадывается, какие у нас на самом деле отношения.

Прищурившись, Руфус изучал ее. Сегодня утром она была необычайно красива с минимумом косметики на лице и припухшими от его поцелуев губами.

– И какие же у нас на самом деле отношения, Габриэлла? – хрипло спросил он.

Задумавшись, девушка сделала глоток кофе.

– Непреодолимое физическое влечение? – наконец предположила она.

Руфус рассмеялся.

– Иногда это чувство доставляет неудобства.

Габриэлла пристально посмотрела на него.

После их прошлого разговора она была уверена, что когда он вернется, в их отношениях ничего не изменится. Определенно она не ожидала, что они будут завтракать вместе после бурной ночи любви, воспоминания о которой заставляли ее краснеть.

Сегодня Руфус был каким-то притихшим, словно смерть друга заставила его пересмотреть свое отношение к жизни.

Но она знала, что лезть сейчас к нему в душу было бы опрометчиво. Это могло бы нарушить хрупкое перемирие, установившееся между ними.

– Значит, ты в конце концов решил не привозить Холли подарок? – Габриэлла подумала, что эта тема была довольно безопасной.

Руфус пожал плечами.

– Из-за того, что произошло, у меня не было настроения ходить по магазинам. Кроме того, Холли была очень груба с нами обоими. В Нью-Йорке я много об этом думал и решил, что ты была права: я действительно делал из нее чудовище.

Если бы он продолжил баловать Холли, она стала бы такой же, как ее мать, которая привыкла брать, не давая ничего взамен. В его отношениях с Анджелой была поставлена точка, но было еще не поздно исправить те же ошибки с Холли.

Руфус видел, как двое детей Роба после смерти их отца пытались помочь матери пережить весь этот кошмар, не обременяя ее собственными страданиями. Тогда он понял, что ему бы очень хотелось, чтобы Холли стала такой же самоотверженной, как они.

Но кто, как не он, должен подать ей пример!

Габриэлла, кажется....

Что делало ее еще более загадочной для него, чем когда-либо.

Он не ожидал, что она в его отсутствие будет проявлять такой интерес к Холли. Даже сегодня утром, выслушивая жалобы дочери, он не переставал этому удивляться.

Похоже, ею двигали искренние мотивы помочь Холли. Она вовсе не считала его дочь чудовищем и видела в ней лишь избалованную девчонку, которой не хватало материнской любви.

– Как продвигается работа в ресторане? – спросил Руфус.

Ее лицо просветлело.

– Очень хорошо. Мы уже покрасили стены, повесили новые картины и живые растения, переоборудовали кухню. Осталось только дожидаться, когда привезут новые кресла, и все будет готово.

Сейчас Габриэлла была так же воодушевлена как он, когда открывал «Грешемс» в Нью-Йорке, думал Руфус, восхищаясь ее трудолюбием.

– Ты собираешься открыть его в понедельник, как запланировано? – поинтересовался он.

– В субботу, – ответила Габриэлла. – Я хочу привлечь как можно больше субботних покупателей в надежде на то, что они будут приходить каждую неделю, – пояснила она.

Отличный маркетинговый ход, с одобрением подумал Руфус, зная, что в выходные в «Грешемс» было больше покупателей, чем в начале недели.

Это напомнило ему о том, что он на целую неделю забросил дела здесь, в Лондоне.

Поставив стол пустую кофейную чашку, он взял кипу бумаг, которые просматривал до прихода Габриэллы.

– Мне нужно сделать несколько звонков, а затем я поеду в «Грешемс». Ты будешь вечером дома?

Какой вежливый, нахмурившись, подумала Габриэлла, пытаясь разобраться в их новых отношениях. Интерес Руфуса к ресторану и вопрос о ее планах на вечер были полностью неожиданными.

– Конечно, – настороженно ответила она. – Где еще я могу быть?

Он поднял брови.

– Я только спросил, Габриэлла.

– Почему? – Она все еще хмурилась.

Руфус печально улыбнулся.

– Потому что хочу знать, будет ли моя жена ужинать вместе со мной сегодня вечером.

Вернувшись, он ни разу не упомянул о Тоби, не спросил, встречалась ли она с другими мужчинами. Почему?

Наверное, он думал, что она все равно ему солжет.

– Я буду дома, – заверила она его, – а вот где будешь ты – это другой вопрос.

Руфус прищурился.

– Что это значит?

Она пожала плечами.

– То, что тебя не было целую неделю. Должно быть, у тебя есть... э-э... друзья, которые хотят тебя видеть.

Удивительно, но, перед тем как пожениться, они даже не обсудили, есть ли в жизни каждого из них другие отношения. У Габриэллы на тот момент никого не было, но насчет Руфуса она не могла быть полностью уверена.

Пока он был в Нью-Йорке, она много думала о подобных вещах и пришла к выводу, что в его жизни была другая женщина.

Руфус понятия не имел, что происходило в голове у Габриэллы. Ее фиолетовые глаза были непроницаемыми, но он уловил намек, скрывающийся за ее словами.

– На данный момент у меня нет никаких «друзей», Габриэлла. – заверил ее он. – Моей жене это могло бы не понравиться, – насмешливо добавил он.

– Как будто тебя это остановило бы! – съязвила она.

Габриэлла снова хотела с ним поссориться, но он был не в настроении делать это сейчас, когда в его памяти были живы воспоминания о прошлой ночи. У него осталось слишком много неотвеченных вопросов о ней, и он боялся ее спугнуть.

Поэтому Руфус решил, что ему лучше уйти, пока они не наговорили друг другу обидных слов.

– Мне нужно сделать несколько звонков, – сказал он, поднимаясь. – Мы можем поговорить вечером, если хочешь.

Габриэлла сама не знала, чего хочет. Такой спокойный, любезный Руфус приводил ее в замешательство.

Прошлой ночью они отдавались друг другу без ограничений и запретов. Утром Руфус разговаривал с ней так, словно действительно интересовался ее делами и дорожил ее мнением.

Она еще никогда его таким не знала!

– Да, кстати, – Руфус остановился в дверях, – мне сообщили, что по возвращении в Лондон я должен связаться с Дэвидом Брюстером. Ты случайно не знаешь, о чем он хочет со мной поговорить?

Габриэлла напряглась. Дэвид Брюстер звонил Руфусу на днях? То есть после того, как она подписала документ, в котором отказалась от всего в пользу Руфуса, за исключением ресторана «Габриэллас»?

– Понятия не имею, – солгала она, надеясь, что ей удастся поговорить с Брюстером раньше его.

Договор был составлен и подписан в конфиденциальной обстановке, но Дэвид Брюстер не одобрял ее решение. Он пытался отговорить ее, убедить, что Джеймс добивался вовсе не этого.

Дэвид Брюстер не был ее поверенным, но учитывая то, что он был знаком с условиями завещания, ей показалось логичным обратиться именно к нему.

Он не должен был нарушать конфиденциальность и все рассказывать Руфусу до окончания условленного срока.

По какой причине он решил так поступить?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

– Ну-ка, что у тебя там? – спросил Руфус, заглянув в спальню к дочери пожелать ей спокойной

ночи.

Когда он сел на кровать рядом с Холли, та неохотно оторвалась от книги, которую увлеченно читала.

– Это книга о лошадях. Габриэлла купила мне ее сегодня в подарок, потому что я хорошо себя вела в твое отсутствие. Она сказала, что я должна сначала узнать, как заботиться о пони, прежде чем просить тебя купить его, – призналась девочка.

Руфус удивленно посмотрел на нее.

– Правда?

– Ммм, – нетерпеливо кивнула Холли, желая как можно скорее вернуться к чтению. – Габриэлла сказала, что когда она жила здесь в юности, она брала уроки верховой езды, и, если я захочу, она организует их и для меня.

– Правда? – спросил Руфус, понимая, что повторяется.

Но он был слишком удивлен, чтобы подбирать слова.

То, что Габриэлла выбрала для Холли книгу на интересующую ее тему, было само по себе удивительно, но организовать для его дочери уроки верховой езды... Это не входило в условия их сделки!

– Ммм, – повторила Холли. – Она обязательно с тобой об этом поговорит, – поспешно добавила она. – Пап, можно я буду брать уроки верховой езды? Габриэлла сказала, что могла бы договориться на воскресенье.

Отношение Холли к его жене за девять дней претерпело значительные изменения.

А может, сама Холли начала меняться? Похоже на то. Причем в лучшую сторону.

Но больше всего его удивило поведение Габриэллы. Зная, что он не привез дочери подарок, она купила ей книгу за хорошее поведение в его отсутствие. Именно так нужно было делать подарки, а не задабривать Холли, чтобы она не капризничала.

Кажется, Габриэлла больше понимала в воспитании детей, чем он.

– Не вижу причин для отказа, моя сладкая. – Руфус наклонился, чтобы поцеловать дочку и чуть не потерял равновесие, когда она обхватила руками его шею.

– Спасибо, папочка! Большое спасибо! – Ее глаза сияли от удовольствия. – Габриэлла сказала, что, если ты разрешишь, она отвезет меня в воскресенье на конюшню.

– Это очень мило с ее стороны. – Он кивнул. – Возможно, я тоже поеду с вами.

– Правда? – Ее лицо просияло.

А почему бы и нет? Время от времени он водил Холли в парк или театр, но он не помнил, когда она в последний раз чему-то так радовалась.

– Я поговорю об этом с Габриэлкой, – пообещал Руфус, вставая. – Не читай допоздна, – добавил он, направляясь к двери.

Холли кивнула.

– Габриэлла сказала, что я могу читать только до восьми часов, иначе я не отдохну перед школой.

Руфус еще больше удивился.

– Она права, – согласился он.

– Я думаю, что была несправедлива к Габриэлле, папа, – тихо сказала Холли. – Она замечательная.

Это точно, подумал Руфус, нахмурившись. Может, он тоже был несправедлив к Габриэлле? Ему нужно было с ней поговорить.

– Пап, ты поговоришь с Габриэлкой насчет уроков верховой езды, когда она вернется? – спросила Холли.

– Когда она вернется? – медленно повторил Руфус.

Девочка кивнула.

– Она уехала незадолго до твоего возвращения.

Габриэлла уехала? Но ведь утром она уверяла его, что будет ужинать дома...

– Она не сказала, когда вернется?

Холли покачала головой.

– Ты не знаешь, куда она поехала? – разочарованно спросил Руфус. Он с таким нетерпением ждал этого ужина!

Девочка пожала плечами.

– Хорошо, дорогая, – кивнул он. – Спокойной ночи.

– Я люблю тебя, папочка. – Она улыбнулась.

– Я тоже тебя люблю, Холли, – искренне заверил ее он.

В своей любви к дочери Руфус никогда не сомневался, а вот его чувства к Габриэлле оставались для него загадкой.

Как и сама Габриэлла...

– Где ты была?

Услышав знакомый голос, Габриэлла остановилась посреди лестницы и обнаружила, что Руфус вышел из коридора и смотрит на нее снизу вверх.

Было уже начало двенадцатого, и она надеялась, что все, включая его, уже спали.

Но ей не повезло!

В тусклом свете лампы его лицо казалось мрачным и даже немного пугающим, волосы отливали золотом.

– Кажется, ты утром говорила, что будешь ужинать дома, – напомнил он ей резким тоном.

– Ты хочешь сказать, что не ложился спать все это время, дожидаясь меня? – съязвила она.

– Нет, – отрезал он. – Я работал у себя в кабинете и только что услышал, как ты вошла.

– Мои планы изменились. – Она пожала плечами. – Я решила встретиться с друзьями в городе.

На самом деле одна лишь мысль об ужине с Руфусом после того, что она узнала по телефону от Дэвида Брююстера, вызывала у нее тошноту.

– Не смотри на меня так, Руфус, – усмехнулась Габриэлла. – У меня есть друзья, ты же знаешь. Тоби не входит в их число, если тебя это интересует, – добавила она.

Его рот дернулся.

– Уверен, что у тебя есть друзья. Я не запрещаю тебе их иметь.

Габриэлла бросила на него скептический взгляд.

– Все друзья, с которыми я встречалась сегодня, были женского пола, – отрезала она. – Если хочешь, я могу дать тебе номера их телефонов, и ты сам в этом убедишься.

Сейчас она намеренно ищет с ним ссоры, мрачно подумал Руфус. Интересно, что послужило этому причиной?

Утром за завтраком они беседовали как нормальная супружеская пара. Он был благодарен ей за все, что она делала для его дочери.

Тогда почему она пытается снова с ним поссориться?

– Я не собираюсь тебя проверять, Габриэлла. – возразил он. – Я просто хочу выразить свое огорчение из-за того, что мы не смогли вместе поужинать.

Габриэлла бросила на него яростный взгляд.

– Ну конечно!

Почему она так себя ведет? Да, Габриэлла изменила свои планы и провела этот вечер вне дома, а не с ним, но это он должен был злиться на нее, а не она на него.

Я веду себя как ревнивый муж, мрачно подумал Руфус.

– Пойдем выпьем со мной стаканчик, Габриэлла, – предложил он.

Габриэлла удивленно посмотрела на него. Почему он предлагает ей составить ему компанию? Их вряд ли можно было назвать друзьями.

Наконец ее осенило.

– Я не в настроении заниматься с тобой сексом, Руфус, – язвительно произнесла она.

– Не в настроении... Черт побери, Габриэлла, – отрезал он. – Разве я говорил о том, что хочу лечь с тобой в постель?

Нет, но она не могла найти другую причину, по которой ему вздумалось позвать ее к себе в спальню на ночь глядя.

Габриэлла невесело улыбнулась.

– Обычно мы об этом не говорим – мы этим занимаемся!

Руфус поморщился.

– Ты все еще сердись на меня за то, что произошло прошлой ночью. Мне казалось, я объяснил, почему пришел к тебе в постель.

– Почему я должна сердиться на тебя за то, что ты вторгся ко мне в спальню без приглашения? – Она крепче вцепилась в перила.

Своим предложением он только все испортил, разочарованно подумал Руфус. Впрочем, он догадывался, почему Габриэлла слышала в его словах намек.

До сих пор, за исключением того дня на Майорке, инициатором их близости был он.

– Тогда давай договоримся, что впредь мы будем заниматься любовью только по твоей инициа-

тиве, – предложил он.

Ее глаза расширились, а затем настороженно сузились.

– Ты уверен, что не будешь нарушать этот договор?

За кого она его принимала?

Да, он мог бы часами не вылезать из ее постели, но лишь потому...

Почему?

Он не был уверен.

Он так долго жил без любви, что вряд ли смог бы ее узнать.

Он знал, что хочет Габриэлле. Она была самой красивой женщиной, которую он когда-либо видел.

У него с самого начала было много причин не доверять ей.

Он по-прежнему ей не доверял?

Сейчас он не был в этом так уверен.

Пока он в ней сомневается, будет лучше для них обоих. Нельзя позволять физическому влечению усыплять его бдительность.

– Да, я не буду нарушать этот договор, – отрывисто произнес Руфус. – Ты спустишься вниз и выпьешь со мной за компанию? – нетерпеливо добавил он, испытывая нестерпимую муку.

Тесные джинсы обтягивали ее упругие ягодицы как вторая кожа, под черной футболкой не было бюстгалтера. Один лишь вид Габриэлле вызывал у него желание.

Если он собирается сдержать свое слово, ему придется привыкать к холодному душу!

Спуститься ли ей вниз вместе с ним, думала Габриэлла. Чего она этим добьется? Снова не выдержит и бросится в его объятия?

– Холли сказала мне, что ты предложила ей брать уроки верховой езды, – мягко сказал Руфус.

Он хотел поговорить с ней о своей дочери. Это меняло дело.

– Я бы выпила немного бренди. – Отпустив перила, она повернулась и начала спускаться вниз.

Через мгновение они уже сидели в уютной маленькой гостиной напротив друг друга. Габриэлла почти физически ощущала присутствие Руфуса. Он вальяжно развалился в кресле, вытянув перед собой ноги. Белая футболка обтягивала его широкую грудь и мускулистые руки, длинные чуткие пальцы обнимали стакан с бренди.

Ей так нравилось, когда эти пальцы ласкали ее кожу.

Черт побери!

Они договорились, что будут заниматься любовью только по ее инициативе, а уже через десять минут она так сильно его хочет, что не может четко соображать.

Помешав свой бренди, она сделала глоток и почувствовала, как алкоголь обволакивает приятным теплом ее пустой желудок.

Она встречалась с двумя подругами в кафе, но так ничего и не съела. Если она хватит лишнего, Руфус забросит ее на плечо и отнесет в спальню.

– Ты что-то говорил об уроках верховой езды для Холли, – напомнила ему она, поставив на столик стакан с бренди.

– Да. – Прищурившись, Руфус наблюдал за ней. Его лицо было непроницаемым. – Она сказала, что ты можешь отвезти ее на конюшню, в которой когда-то сама брала уроки.

– Конечно, если только ты согласен. – Она кивнула. – Я умею водить машину и уверена, что ты сможешь одолжить мне одну из своих.

– Я не спрашиваю тебя о том, как ты ее повезешь, Габриэлла, – протянул он.

– Тогда что ты хочешь знать? – Она нахмурилась, чувствуя, как тепло от бренди разливается по всему ее телу.

Руфус пожал плечами.

– Ты уверена, что хочешь брать на себя лишние проблемы?

Сегодня Габриэлла наконец почувствовала, что ее отношения с Холли начали налаживаться. Девочка искренне обрадовалась книге, которую она ей купила, не говоря уже о предложении брать уроки верховой езды. Но если Руфус захочет сам возить ее на конюшню...

– Хорошо, – небрежно произнесла она. – Я дам тебе телефон школы верховой езды, которую сама когда-то посещала, но, если не хочешь, в городе полно других школ, и ты сможешь выбрать сам.

Руфус поморщился словно от боли. Этим вечером он чувствовал себя так, словно его ударили головой об стену.

– Габриэлла, я вовсе не против того, чтобы ты отвозила Холли, просто если не хочешь, можешь этого не делать.

– Почему я откажусь ее возить, если уже предложила ей это? – с вызовом бросила она.

Руфус тяжело вздохнул.

– Габриэлла, что я такого сделал, что ты так со мной разговариваешь?

Что он *сделал* ?

Он сам прекрасно знал, что сделал.

Думал, что Дэвид Брюстер не расскажет ей о документах о разводе, которые он составил?

Позвонив утром Брюстеру и спросив его, собирался ли он рассказать Руфусу о подписанном ею соглашении, она услышала искреннее удивление в голосе нотариуса. Он заверил ее, что не станет этого делать раньше условленного срока.

Но он также назвал ей истинную причину, по которой хотел связаться с Руфусом. Сказал, что уже составил документы о разводе.

По просьбе мистера Грешема...

По просьбе Руфуса.

Несомненно, Руфус принял это решение того, как увидел ее в ресторане с Тоби.

И это означало, что он не поверил ни единому ее слову.

В очередной раз.

И теперь он еще спрашивает, почему она так с ним разговаривает!

Жаль, что она так и не смогла его разлюбить.

Поднявшись, она отрывисто произнесла:

– Когда примешь решение насчет уроков верховой езды для Холли, дай мне знать.

Руфус встал, расстроенный этим разговором. Из Нью-Йорка он вернулся другим человеком. Его потрясла глубина чувств Джен к Робу, ее страдания при виде того, как он медленно угасал, ее безграничное горе, когда его не стало. Руфус знал, что пройдут долгие месяцы, если не годы, прежде чем она смирится с утратой.

То же самое чувствовал его отец после смерти Хитер. Любовь Джеймса к жене была так глубока, что он не захотел без нее жить.

Руфус жалел о том, что не узнал Хитер лучше. Ему было стыдно за то, что он позволил своему печальному опыту с Анджелой негативно повлиять на свои отношения с матерью Габриэллы.

И самой Габриэлой.

После развода он решил, что все женщины были эгоистичными корыстолюбивыми тварями, и тот факт, что его отец дал Хитер сто тысяч фунтов до того, как они поженились, лишь подтвердил его мнение.

Но, оглядываясь назад, Руфус не мог понять, как такой умный и проницательный человек, как его отец, мог полюбить хитрую расчетливую женщину вроде его бывшей жены Анджелы. Это навело его на мысль, что Хитер была совсем не такой и деньги ей были нужны по уважительной причине.

Причине, которую Габриэлла наотрез отказалась ему назвать.

И разве мог он ее за это порицать после всего, что наговорил о ее матери и о ней самой?

Да, он изменился, признался самому себе Руфус, и не только из-за того, что произошло с Робом. Желание, которое он испытывал к Габриэлле, заставляло его сомневаться в своих решениях, принятых на основе собственного горького опыта.

К несчастью, *он* изменился, но зло, которое он причинил Габриэлле, нельзя было исправить. Каждым ее словом и поступком до сих пор управляли прошлые обиды.

Если он хочет изменить ее отношение к себе, ему придется сначала заслужить ее прощение.

– Я уже принял решение насчет уроков верховой езды для Холли, – хрипло произнес он. – Мне бы хотелось, чтобы ее возила ты. Конечно, если ты не возражаешь.

Габриэлла вопросительно посмотрела на него, но его лицо было непроницаемым.

– Я не стала бы ей это предлагать, если бы возражала.

Руфус пожал плечами.

– Это долгосрочное обязательство.

– Если за шесть месяцев ее интерес к верховой езде не ослабеет, я уверена, ты сможешь сам ее возить, – сухо ответила Габриэлла.

Когда они расстанутся.

Когда она навсегда уйдет из его жизни и жизни Холли.

– Но даже тогда ты не перестанешь быть ее тетей Габриэлой, – заметил он.

Нахмурившись, девушка посмотрела на него.

– Я думаю, Руфус, – медленно произнесла она, – что для всех нас будет лучше, если по окончании условленного срока мы больше никогда не увидимся!

Руфус глубоко вдохнул. Неужели она и вправду с таким нетерпением ждала развода?

А чего он от нее ожидал, если с самой первой их встречи оскорблял ее и насмехался над ней? То, что Габриэлла отвечала на его ласки, вовсе не означало, что она не испытывала к нему ненависти. Наверное, из-за того, что ее влекло к нему, она еще больше его ненавидела.

Да, он изменился, но ему еще долго придется пожинать плоды своих прошлых поступков.

Он снова вздохнул.

– Мне жаль, что ты этого хочешь.

– Почему-то я в этом сомневаюсь! – Габриэлла невесело рассмеялась.

Руфус лукаво посмотрел на нее, чтобы ослабить напряжение, повисшее между ними.

– Габриэлла, я знаю, что ты сегодня вечером не встречалась с Тоби.

Она насторожилась.

– Откуда тебе это известно?

Руфус поморщился.

– Потому что я звонил ему раньше, и его сосед по комнате сказал мне, что Тоби на неделю улетел в Америку на прослушивание.

Ее улыбка была такой же невеселой, как и ее смех несколько секунд назад.

– Я рада, что ты понял, что я не лгала тебе, по крайней мере насчет этого.

– Габриэлла...

– Зачем ты ему звонил? – проницательно спросила девушка. – Нет, можешь не отвечать на этот вопрос, я сама догадываюсь. – Она тяжело вздохнула. – Я устала, Руфус, и иду спать.

Он отпустил ее, зная: что бы он ей сейчас ни сказал, это лишь все усложнит.

Если только это было возможно!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

– Мне нужно с тобой поговорить, Габриэлла.

Габриэлла оторвалась от книги, которую читала, удивленная тем, что Руфус так незаметно вошел в ее спальню.

Последние две недели она старалась не попадаться ему на глаза и поэтому, зная, что он был дома, решила провести сегодняшний вечер в своей комнате за чтением.

Она холодно посмотрела на него, пытаясь игнорировать исходивший от него сексуальный магнетизм. Но все ее старания оказались напрасными: сердце учащенно билось, внизу живота разливалось приятное тепло.

– Что ты делаешь в моей спальне? – спросила девушка. – Мне казалось, мы договорились, впредь я сама буду к тебе приходить. Если ты заметил, я этого не делала, – язвительно добавила она.

Зная о том, каким чувственным и сексуальным был Руфус, Габриэлла была удивлена – и разочарована? – тем, что он сдержал свое обещание. Лежа бессонными ночами в постели и сгорая от желания, она часто испытывала искушение пойти к нему и забыть обо всем в его жарких объятиях.

Но она не сделала этого. При одной только мысли о документах о разводе у нее пропадало желание.

– Я заметил, – протянул Руфус, садясь рядом с ней на кровать.

Габриэлле бросило в жар, соски затвердели под обтягивающим спортивным топом. Если он сейчас к ней прикоснется...

– Ты выглядишь усталой, Габриэлла, – сказал он, нахмурившись. – Управление рестораном оказалось тебе не по силам?

При упоминании о предмете ее гордости лицо девушки просветлело. Она была благодарна Руфусу за то, что он коснулся нейтральной темы. Ее ресторан начал пользоваться успехом с самого открытия. Некоторые из первых посетителей за две недели его работы даже стали завсегдатаями и рекомендовали «Габриэллас» своим друзьям. Это было то, о чем Габриэлла всегда мечтала, но чего не смогла достичь в первый раз.

– Во все нет, – энергично заверила она его. – Тебе следует как-нибудь заглянуть туда. Большинство из твоих сотрудников уже питаются у меня.

– Я слышал, – ответил Руфус, улыбаясь. – С тех пор как ты открыла ресторан, наша столовая почти пуста. Хорошо, что ты взяла на работу сотрудников бывшего кафетерия, – с одобрением добавил он.

– А почему я не должна была этого делать? – добавила она, услышав удивление в его голосе. Наверное, он думал, что ей даже в голову не придет взять на работу этих людей.

Руфус вздохнул, зная, что она снова его не поняла.

– Я сделал тебе комплимент, а не критиковал тебя, – устало сказал он.

В течение нескольких секунд Габриэлла испытующе смотрела на него.

– О, – наконец пробормотала она.

Руфус печально улыбнулся.

– Холли сказала мне, что уроки верховой езды доставляют ей удовольствие.

А еще его дочь сказала, что хотела бы иметь такую мать, как Габриэлла, но он умолчал об этом.

Зачем ей знать? Она ведь ждет не дождется, когда их брак будет расторгнут и он навсегда исчезнет из ее жизни.

– Твоя дочь делает успехи, – с улыбкой заметила Габриэлла. – Гемма, ее тренер, сказала, что она прирожденная наездница.

Руфус рассеянно кивнул, лихорадочно ища следующую тему для разговора. Ему не хотелось так быстро уходить.

– Тоби все еще в Америке... – Он внезапно замолчал, поняв, что сморозил очередную глупость. Улыбка Габриэллы поблекла, взгляд снова сделался настороженным. – Забудь о том, что я сказал, – хрипло произнес он, мотнув головой. – Черт побери, я пришел сюда потому что... для того чтобы...

– Да, скажи-ка мне, Руфус, почему ты пришел ко мне в спальню без приглашения? – цинично спросила Габриэлла. – Чтобы снова меня оскорбить? Чтобы узнать, нет ли у меня вестей о Тоби? Так вот, я ничего о нем не знаю и знать не хочу, – раздраженно добавила она, поднимаясь. – Или, может, ты хочешь снова наговорить гадостей о моей матери? – Ее глаза потемнели от злости. – Давай, Руфус, скажи мне, для чего ты сюда пришел.

Руфус глубоко вдохнул и сосчитал про себя до десяти, чтобы не сказать ей в ответ что-нибудь колкое, как делал обычно.

– Ты правда хочешь знать, что я здесь делаю? – хрипло спросил он.

– Я сейчас лопну от любопытства! – с сарказмом произнесла Габриэлла. – Не могу дождаться очередной порции обвинений в свой адрес!

Руфус знал, что заслужил это. Но желание, которое он испытывал к Габриэлле, было так велико, что он не мог его контролировать. Ему было нелегко признаться в этом самому себе, а уж тем более ей.

Но если он не хочет, чтобы следующие пять месяцев превратились для него в пытку, придется постараться.

– Никаких обвинений не будет, Габриэлла, – сказал он, вздыхая. – Я просто хочу признаться тебе в том, что хочу тебя. Когда тебя нет рядом, я медленно схожу с ума.

Габриэлла ошеломленно уставилась на него.

Руфус хотел ее.

Она тоже его хотела, но никогда не признается ему в этом. Уж лучше она просидит одна в своей спальне следующие пять месяцев, чем сделает это.

Физическая близость – это все, что предлагал ей Руфус. Ей хотелось большего, но желание медленно сводило с ума и ее.

– Все, Габриэлла. – При виде выражения ее лица он поморщился. – Просто иногда спускайся к ужину, хорошо? Я не стану просить у тебя большего, только перестань меня избегать. Я прошу не слишком много, не так ли? – Он осторожно посмотрел на нее.

Габриэлла молчала. Она не ожидала, что Руфус признается ей в подобном.

Он вздохнул.

– Ладно, можешь продолжать читать. Я ухожу. – Отрывисто кивнув, он повернулся и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Продолжать читать? После того, что он ей сказал?

Должно быть, он пошутил. Разве она могла думать сейчас о чем-то другом, кроме его слов?

Габриэлла встала и начала ходить взад-вперед по комнате. В ее душе происходила внутренняя борьба.

Признание Руфуса ничего не меняло. Он по-прежнему считал ее и ее мать алчными охотницами за состоянием, думал, что они с Тоби были любовниками. Но хуже всего было то, что он попросил Дэвида Брюстера подготовить документы о разводе.

Через пять месяцев они расстанутся. Так было условлено с самого начала, но тогда почему одна только мысль об этих документах приводила ее в ярость?

Потому что это причиняло ей боль. Потому что она все еще любила его. Потому что теперь, когда они жили вместе, мысль о предстоящей разлуке была для нее невыносимой.

Габриэлла чувствовала себя еще более несчастной из-за того, что отказалась от физической близости с ним. Если она правильно поняла, Руфус сказал, что она может приходить к нему, когда захочет. Вместо того чтобы мучиться из-за глупого самоотречения, она могла бы следующие пять месяцев получать удовольствие.

Воспоминания об этих чудесных днях согревали бы ее всю оставшуюся жизнь.

Она это заслужила, не так ли?

Тогда какого черта она медлит? Она была уверенной в себе двадцатитрехлетней женщиной, а не влюбленной восемнадцатилетней школьницей. Руфус находился в одной из соседних комнат и ждал приглашения, в котором она упорно ему отказывала последние две недели.

Войдя в спальню Руфуса, Габриэлла услышала шум воды. Не теряя больше ни секунды, она разделась и вошла в ванную.

Ее взгляд тут же упал на его силуэт в душевой кабинке. Руфус подставил лицо под струи воды, мокрые волосы были откинuty назад.

Тихо открыв дверь, Габриэлла вошла внутрь и невольно залюбовалась его загорелым мускулистым телом. Взяв с полки тюбик с гелем для душа, она выдавила немного на ладонь и принялась натирать ему плечи и спину.

Если это был сон, то Руфус не хотел просыпаться. Никогда.

С закрытыми глазами он стоял под теплыми струями воды и наслаждался ее прикосновениями. Когда ее ладони скользнули вниз по его ягодицам, он напрягся и застонал от возбуждения.

– Повернись, – хрипло произнесла Габриэлла.

Не открывая глаз, он подчинился и в следующее мгновение почувствовал тепло ее губ на своих губах.

О боже...

Словно зачарованный он заглянул в ее потемневшие от страсти глаза, прежде чем она снова завладела его ртом.

Тогда, запустив пальцы в ее густые темные волосы, Руфус притянул ее к себе. Он никогда прежде не испытывал подобного удовольствия. Оно обрушилось на него мощной волной, поглотив его целиком. Назад дороги не было.

– Теперь твоя очередь, – хрипло произнес Руфус, покрывая поцелуями ее лицо, шею и грудь.

Ее приглушенный стон сказал ему, что она хотела его не меньше, чем он ее.

Тогда он присел и, запустив пальцы в темные завитки внизу ее живота, нашел пульсирующий центр ее желания. Габриэлла дрожала всем телом, пока его язык ласкал ее теплую влажную плоть.

Словно моля о пощаде, она вцепилась ногтями в его плечи, но он продолжал эту сладкую пытку до тех пор, пока она бессильно не упала на него.

Наконец, не в силах больше ждать, Руфус выпрямился и приподнял ее за бедра. Она обхватила его ногами за пояс, и он, стремительно войдя в нее, задвигался, постепенно ускоряясь. С каждым его толчком ее наслаждение нарастало, пока не достигло своей вершины и она не прокричала его имя. Затем, сделав последнее усилие, он присоединился к ней в экстазе освобождения.

Прижавшись лбом к ее лбу, Руфус глубоко задышал.

– Ты удивительная женщина, Габриэлла Мария Лючия Грешем, – хрипло произнес он.

Габриэлла довольно рассмеялась.

– Ты тоже ничего, Руфус Джеймс Грешем.

Подняв голову, Руфус посмотрел на нее. Ее глаза сверкали фиолетовым огнем, щеки покраснели, губы припухли от его поцелуев.

– Я даже не буду спрашивать тебя, почему ты передумала. – Он покачал головой. – Просто мне очень повезло.

Габриэлла довольно улыбнулась ему, и он, улыбнувшись ей в ответ, выключил душ и понес ее в спальню.

– Мы намочим постель, – возразила она.

– Какая ты практичная, – поддразнил ее Руфус.

Меньше всего она сейчас думала о практичности.

– Я просто подумала, как ты будешь спать в мокрой постели.

Руфус покачал головой.

– Самое главное, что ты сейчас здесь, со мной.

Положив ее на кровать, он лег рядом и зарылся лицом в ее шею, думая о том, что еще никогда

не испытывал подобного. Это было за пределами простого сексуального удовлетворения.

Но все же ему хотелось большего. Он знал, что никогда не пресытится Габриэлкой, что желание, которое он испытывал к ней, было у него в крови.

Габриэлла стала его неотъемлемой частью, и так будет всегда.

Проснувшись, Габриэлла обнаружила, что постель рядом с ней все еще была теплой, но Руфуса там больше не было. На его подушке лежал листок бумаги, на котором было написано:

«Моя дорогая Габриэлла, я уехал повидать Тоби. Твой Руфус».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

– Габриэлла! Какого черта ты не отвечала на мои звонки?

Нахмурившись, Габриэлла посмотрела на Руфуса, стоящего в дверях кухни ее ресторана. Он выглядел усталым. Его светлые волосы были растрепаны, джинсы и футболка помяты.

Очевидно, он приехал сюда прямо из аэропорта.

– За последние двадцать четыре часа я звонил тебе раз пять! – сердито бросил он, входя в кухню и закрывая за собой дверь.

Если быть точным, то целых семь раз: два днем сюда и пять вечером в Грешем-Хаус. Но она не подходила к телефону.

Зачем?

Если Руфус после их ночи любви отправился в Америку, чтобы поговорить с Тоби, им больше нечего было сказать друг другу.

Габриэлла пожала плечами. Не глядя на него, она заканчивала прибираться на кухне после ленча.

– Я была занята, – произнесла она с притворным спокойствием.

Проплакав весь вчерашний день и всю ночь, она поняла, что так больше не могло продолжаться. Она больше не будет жить в браке без любви.

– Габриэлла, что с тобой? – обеспокоено спросил Руфус, подойдя к ней и приподняв ее лицо за подбородок.

Господи, как же она любила этого мужчину! Любила до безумия, любила так, что кроме него ей больше никто не был нужен.

Габриэлла посмотрела на него немигающим взглядом.

– Я ухожу от тебя, Руфус, – решительно произнесла она. – Не через пять месяцев. Сейчас.

– Что? – Внезапно побледнев, Руфус покачал головой. – Ты, должно быть, шутишь, Габриэлла...

– Нет, не шучу, – отрезала она.

– Подожди, – не сдавался он. – Здесь не самое подходящее место для разговора. Нам нужно уйти отсюда. Я должен все тебе объяснить...

– Ты опоздал с объяснениями, Руфус, – мягко произнесла Габриэлла. – Разве ты не понимаешь? Я больше так не могу. И дело тут вовсе не в том, что я хочу быть с Тоби! – отчаянно добавила она. – Я просто не могу больше с тобой жить.

Руфус тяжело сглотнул. Решимость, прозвучавшая в ее голосе, резанула его ножом по сердцу.

– Нет, Габриэлла! Я не могу тебя отпустить! – Он недоверчиво покачал головой.

Девушка невесело улыбнулась.

– Ты не сможешь меня остановить, Руфус. Мне жаль, правда, но я не могу... – Она запнулась. – Я не могу так больше жить, – решительно добавила она, опустив ресницы.

Глядя на темные круги у нее под глазами, на впалые щеки, он знал, что должен был что-то сказать, сделать, чтобы удержать ее.

Единственное, что он мог сказать...

– Габриэлла, я люблю тебя, – хрипло произнес Руфус. – Люблю! – повторил он, взяв ее руку в свою.

Подняв свои удивительные фиолетовые глаза, она неуверенно посмотрела на него, словно сомневаясь в его словах.

– Пойдем ко мне в кабинет, – сказал Руфус. – Ты выслушаешь меня и если захочешь после этого уйти, я обещаю, что не буду тебя удерживать, – искренне добавил он.

– Хорошо, – устало ответила она, чувствуя, как в ее душе загорелся маленький лучик надежды.

Проводив Габриэлла в свой кабинет, Руфус предложил ей сесть на диван. Он еще никогда в своей жизни так не нервничал. От этого разговора зависела вся его дальнейшая жизнь.

– Кажется, ты хотел что-то мне сказать, – произнесла Габриэлла, нарушив неловкое молчание.

Руфус сел на корточки перед ней, не касаясь ее. Он чувствовал ее тепло, его ноздри щекотал тонкий аромат ее духов.

– Габриэлла, я ушел от тебя вчера утром не потому, что хотел этого...

– Тогда почему ты это сделал? – перебила она его, ощущая пустоту внутри. – Из крайней необходимости?

– Вроде того, – кивнул он, нахмурившись. – Когда ты уснула, я еще долго лежал без сна и думал. К трем часам утра я понял, что должен увидеться Тоби.

– Ты сказал мне об этом в своей записке, напомнила она ему.

Руфус кивнул.

– Но не объяснил причину. Я отправился в Америку найти Тоби для того, чтобы сказать ему, что если он когда-нибудь к тебе приблизится, я сотру его в порошок. – Его губы дернулись от отвращения. – Тоби сказал мне, что решил навсегда остаться в Америке. Что же касается моей записки...

– Минуточку, – остановила его Габриэлла. – Зачем ты сказал это Тоби?

Внезапно поднявшись, Руфус сжал руки в кулаки.

– Потому что этот ублюдок пытался изнасиловать тебя четыре месяца назад! – От волнения он тяжело дышал.

Глаза Габриэллы расширились.

– Значит, теперь ты мне веришь?

– Габриэлла, я держал тебя в своих объятиях, занимался с тобой любовью, касался самых заветных уголков твоего тела. Ты постоянно твердила, что ненавидишь меня, однако ни разу не оттолкнула меня из отвращения, как Тоби. – Он покачал головой. – В среду ночью, после того, как ты сама пришла в мою комнату и отдалась мне, я наконец понял, что ты говорила правду. Если бы я узнал об этом раньше, то, уверяю тебя, Тоби так легко бы не отделался, – мрачно добавил он.

Габриэлла тяжело сглотнула. Все это не укладывалось у нее в голове.

– Я думала, ты отправился к Тоби, потому что не поверил мне...

– Ты упоминала о моей записке, Габриэлла. Там было сказано «Моя дорогая Габриэлла», а рядом стояла подпись «Твой Руфус», потому что я действительно твой. Навсегда.

– Но ведь ты хочешь со мной развестись, – недоумевала Габриэлла.

– Что? – удивился Руфус.

Она кивнула.

– Пока ты находился в Нью-Йорке, ты поручил Дэвиду Брюстеру составить документ о разводе. Именно по этой причине ты собирался с ним связаться, когда вернулся.

– Минуточку, – остановил ее Руфус, внезапно поняв причину ее внезапной перемены в тот день. – Я не поручал ему ничего подобного.

– Лжешь! – неистово воскликнула Габриэлла, чувствуя, как кровь прилила к ее щекам. – Я лично разговаривала с Брюстером, и он сказал мне, что мистер Грешем поручил ему составить документы о разводе...

– Он уточнил, о каком мистере Грешеме шла речь? – мягко произнес Руфус.

Габриэлла озадаченно посмотрела на него.

– Я не понимаю...

– Это был мой отец, Габриэлла, – терпеливо пояснил Руфус. – Это он попросил Брюстера составить эти бумаги. Я не знаю, по какой причине он это сделал, но, уверяю тебя, это сделал не я. – Он взял ее руки в свои. – Габриэлла, я не хочу с тобой разводиться ни сейчас, ни через шесть месяцев – никогда.

Девушка была в полном замешательстве. Она даже не представляла себе, зачем Джеймсу понадобились эти документы, но, похоже, Руфус, говорил правду. Чтобы в этом убедиться, было достаточно одного телефонного звонка.

Она настороженно посмотрела на Руфуса.

– Чего ты хочешь, Руфус?

Он глубоко вдохнул. Любая ошибка сейчас дорого бы стоила.

– Я хочу тебя. Габриэлла, – мягко произнес он. – Забудь о завещании моего отца. Забудь о прошлом и думай о будущем. Я люблю и хочу тебя так сильно, что если ты от меня уйдешь, я буду следовать за тобой по пятам до тех пор, пока ты не сжались надо мной и не вернешься!

Габриэлла издала приглушенный смехок.

– Я бы не смогла испытывать жалость к человеку с таким самообладанием, как у тебя.

Он покачал головой.

– Самообладание покинуло меня в день нашей свадьбы. Боже, Габриэлла, то, что произошло в тот день... В тот день я пропал, Габриэлла. Ты завладела мной целиком, и с тех пор я тщетно борюсь за свою эмоциональную свободу.

– Ты тоже завладел мной целиком, Руфус, – хрипло произнесла Габриэлла, облизав сухие губы. – В тот день я была девственницей и ушла так внезапно, потому что не хотела, чтобы ты об этом узнал, – печально призналась она. – Я бы не вынесла твоих насмешек.

Закрыв глаза, Руфус вспомнил тот день, когда Габриэлла ему отдалась.

Все эти годы он насмехался над ней и в конце концов оказался ее первым любовником. Каким же идиотом он был!

– Ты привез меня в квартиру, куда водил своих любовниц, – нахмурившись, напомнила она ему.

– Нет. Я позволил тебе продолжать так думать. – Он поморщился от отвращения к самому себе. – Я останавливался в этой квартире, когда задерживался в городе по делам.

Габриэлла испытующе посмотрела на него и увидела искренность в его зеленых глазах.

– Но ты нарочно не стал меня разубеждать...

– Габриэлла, я боялся в тебя влюбиться, – мягко упрекнул ее он. – Поставь себя на мое место. Анджела вышла за меня по расчету. Я думал, что твоя мать вышла за моего отца из-за денег. Считаю, что тогда на Майорке ты тоже решила соблазнить меня по этой причине.

– Я была в тебя влюблена! – неистово возразила она. – Я так сильно тебя любила, что хотела добиться взаимности. Я всегда тебя любила, Руфус. Всегда...

– О боже... – простонал Руфус. Теперь, когда он ее полюбил, он понял, какую боль причинил ей пять лет назад. – В тот день ты была восхитительна. Я не осмелился заняться с тобой любовью, потому что боялся потерять самообладание. Вместо этого я заставил тебя меня ненавидеть.

– И некоторое время мне это удавалось. – Она кивнула. – Из-за этого я не могла снова полюбить, тем более вступить в физическую связь с другим мужчиной.

– Боже мой, Габриэлла, неудивительно, что одна лишь мысль о браке со мной спустя пять лет приводила тебя в ужас.

На самом деле это было не так, потому что в глубине души она все еще его любила.

– Руфус, – мягко начала Габриэлла. – Я имела в виду, что так и не смогла забыть, как мы ласкали друг друга на Майорке. Ты правда любишь меня, зная, что я одолжила деньги у твоего отца? Что он дал моей матери сто тысяч до того, как они поженились?

– Я полюбил тебя, Габриэлла даже несмотря на то, что считал вас обеих охотницами за состоянием. Признаюсь, после тебя у меня были женщины, но ни одна из них ничего для меня не значила.

Должно быть, это действительно было так и она должна ему поверить. Ведь он поверил ее рассказу о Тоби, не требуя доказательств.

Габриэлла кивнула.

– Тогда, я думаю, ты должен знать, что я все еще тебя люблю. Это истинная причина, по которой я все эти пять лет ни с кем не встречалась, – уверенно добавила она, только что осознав это.

Руфус ошеломленно уставился на нее, словно не веря ее словам, затем сел рядом с ней на диван и заключил ее в объятия.

Габриэлла была без ума от счастья. Руфус любил ее такую, какой она была, не задавая вопросов.

– Выходи за меня замуж, Габриэлла, – хрипло произнес он, покрывая поцелуями ее лицо.

– Мы уже женаты, дурачок, – рассмеялась она, прильнув к нему.

Руфус покачал головой.

– Я хочу обвенчаться с тобой в церкви, обменяться брачными клятвами в знак нашей любви друг к другу.

Габриэлла посмотрела на него своими удивительными фиолетовыми глазами.

– Ну если ты действительно этого хочешь...

– Где бы ты хотела провести медовый месяц?

– Как насчет Майорки? – поддразнила она его. Руфус рассмеялся.

– Я бы целый месяц не выпускал тебя за порог виллы.

– Нет, это я бы тебя не выпускала, – заверила она.

Он снова рассмеялся.

– Я был бы не против.

– Я тоже. – Габриэлла кивнула. – Но есть кое-что еще, о чем я должна тебе рассказать, Руфус.

– Тебе не нужно этого делать. – Руфус решительно покачал головой. – Отношения моего отца и

твоей матери меня не касались. Уверен, что у Хитер была веская причина взять у моего отца деньги. Он был умным и проницательным человеком и не смог бы полюбить алчную, корыстолюбивую женщину, – убежденно добавил он.

Габриэлла изумленно посмотрела на него.

– Ты очень изменился, Руфус.

Он мрачно кивнул.

– Я наблюдал за Джен, женой моего покойного друга, когда она сидела у его постели. Тогда я понял, скольких вещей в жизни лишился из-за предрассудков и недоверия. Я жалею, что не узнал лучше твою мать. Но тебя я никуда не отпущу, Габриэлла. – сказал Руфус, крепче прижимая ее к себе. – Я хочу прожить с тобой полсотни лет, хочу засыпать и просыпаться каждое утро рядом с тобой, любить тебя.

– А детей ты не хочешь? – мягко перебила она его.

Об этом он и мечтать не мог. При мысли о том, что эта женщина была готова родить ему детей, у него перехватило дыхание от счастья.

– Конечно, хочу, если ты готова мне их подарить, – восторженно произнес Руфус.

Тяжело сглотнув, Габриэлла хрипло произнесла:

– Я беременна, Руфус. Именно поэтому я и хотела тебя оставить.

Он ошеломленно уставился на нее, лишившись на мгновение дара речи. Габриэлла была беременна? Но...

– Уже четыре недели. Думаю, это произошло в день нашей свадьбы в твоей квартире, – пояснила она.

Вчера, думая о своих отношениях с Руфусом, Габриэлла поняла, что с тех пор, как они поженились, у нее не было месячных. По пути в «Грешемс» она заскочила в аптеку и купила тест на беременность. Результат оказался положительным.

У нее возникли смешанные чувства. С одной стороны, она радовалась, что ждала ребенка от Руфуса, с другой – боялась, что он обвинит ее в том, что она специально забеременела, чтобы поймать его в ловушку. Поэтому она и решила уйти от него.

Руфус провел ладонью по ее животу. Его ребенок. Их ребенок.

Он не мог в это поверить.

– Ты рада этому? – осторожно спросил он.

– Очень, – заверила его Габриэлла. – О, Руфус, об этом я и мечтать не могла.

– Я тоже безумно счастлив, – сказал Руфус, целуя ее.

– Как ты думаешь, Холли обрадуется братику или сестренке? – спросила Габриэлла несколько минут спустя.

Руфус улыбнулся.

– Моя дочь недавно сказала мне, что хочет иметь такую мать, как ты. Даже пригрозила, что если ты от нас уйдешь, она сильно на меня разозлится.

Габриэлла рассмеялась.

– Мы ведь этого не допустим, правда, Руфус?

– Я не заслужил такого счастья, дорогая, – серьезно произнес он. – Я должен воздать тебе сполна за всю ту боль, которую тебе причинил...

Габриэлла остановила его, приложив палец к его губам.

– Давай забудем о прошлом и продолжим жить дальше, любовь моя. Но сначала я все же должна кое-что тебе рассказать.

– Тебе не нужно этого делать. Что бы ты мне ни сказала, это не изменит моих чувств к тебе.

– Я должна, – настаивала Габриэлла – Год назад я одолжила у твоего отца тридцать тысяч фунтов. – За этим последовал рассказ о ее неудачах в бизнесе. – Джеймс хотел подарить мне эти деньги, но я настояла на том, чтобы мы составили договор. После его смерти я не могла допустить, чтобы этот документ попал в руки к Тоби, – добавила она, нахмурившись.

– И поэтому ты предпочла выйти замуж за меня, – пробормотал он, теперь зная истинную причину, побудившую ее это сделать.

– Да, – печально улыбнулась девушка. – У Дэвида Брюстера есть еще один договор. Я попросила его составить этот документ в тот день, когда вы с Тоби поцапались в «Габриэллас». Ты еще хотел тогда знать, куда я исчезла, – напомнила она Руфусу.

– У меня такое предчувствие, будто то, что ты скажешь дальше, мне не понравится.

Возможно, нет, подумала Габриэлла, но она должна была это сделать.

– Я распорядилась, чтобы через шесть месяцев все, за исключением «Габриэллас», перешло к

тебе, – хрипло произнесла она.

Руфус помрачнел.

– Я действительно мерзавец, каким ты меня всегда считала, не так ли? – произнес он с отвращением к самому себе. – Но обещаю, что исправлюсь. Мы уничтожим оба договора, – с чувством добавил он. – Отныне у нас все будет общим, дорогая.

Габриэлла ослепительно улыбнулась ему.

– Я люблю тебя, Руфус!

– Я тоже тебя люблю. Больше жизни, – заверил ее он.

– Есть еще кое-что. Это касается моей матери.

– Но я ведь уже говорил тебе, что это не мое дело, – возразил Руфус.

Поцеловав его в губы, Габриэлла продолжила:

– Я и сама о многом не знала, пока ты не посоветовал мне поговорить с матерью. Мои родители были несчастливы в браке. Отец часто был без работы и вечерами постоянно где-то пропадал. Я тогда была совсем ребенком и не понимала, насколько безответственным он был. Только став постарше, я начала замечать, что мама часто была чем-то обеспокоена, что нам не хватало денег на оплату счетов, а порой и на самое необходимое.

– Габриэлла, не продолжай! – простонал Руфус.

– Все в порядке дорогой, – заверила она его. – Когда отец умер, выяснилось, что он был заядлым игроком, заложил наш дом и оставил после себя долги на общую сумму в сто тысяч фунтов. – Немного помедлив, она продолжила: – Моя мать даже не была его настоящей женой. У него уже была жена в Италии, с которой он даже не соизволил развестись перед тем, как жениться на моей матери. Моя фамилия даже не Бенито, – добавила она, с трудом сдерживая слезы.

– Нет. Потому что теперь твоя фамилия Грешем! – порывисто произнес Руфус, прижимая ее к себе. – Боже мой, Габриэлла, каким идиотом я был!

– Ты не мог этого знать, Руфус. – Габриэлла покачала головой.

– Это уже неважно, потому что осталось в прошлом, – сказал Руфус, с любовью глядя на нее. – Все, что сейчас имеет значение, это ты, я, Холли и наш малыш. Теперь мы можем продолжать жить дальше?

– Да, дорогой, – с готовностью произнесла она. – Все, что я хочу, это быть с тобой, любить тебя и быть любимой.

– Так будет до конца наших дней, – пообещал ей Руфус. – Мы будем так счастливы вместе, Габриэлла.

ЭПИЛОГ

– Как ты думаешь, что в нем? – полюбопытствовала Габриэлла, глядя на письмо в руке мужа.

– Давай откроем и посмотрим, – с улыбкой ответил Руфус.

Габриэлла с удовлетворением отметила, что за пять счастливых месяцев их брака с ними обоими произошли значительные перемены.

Они обвенчались в церкви и отпраздновали свадьбу в кругу родных и друзей. Холли была подружкой невесты, чем очень гордилась. Она стала доброй и открытой девочкой. На Рождество Руфус с Габриэλλой подарили ей пони, о котором она так мечтала.

Руфус постоянно заверял жену, что беременность украшает ее, и она чувствовала себя красивой и любимой.

Сам он изменился больше всех. Теперь это был не раздражительный циник, а любящий муж и заботливый отец. Очень любящий муж, с улыбкой подумала Габриэлла, вспомнив о том, что было у них этим утром перед тем, как они отправились на встречу с Дэвидом Брюстером. Спустя ровно шесть месяцев после их свадьбы они, держась за руки, вошли в его кабинет.

Протянув им конверт, на котором было написано «Руфусу и Габриэлле», пожилой мужчина произнес извиняющимся тоном:

– Я знаю, вы в самом начале спрашивали меня, не было ли еще что-нибудь в завещании мистера Грешема, о чем вам нужно было знать, но это письмо не прилагалось к завещанию. Мне было велено передать его вам только в том случае, если вы не разведетесь по истечении шести месяцев. Я так понимаю, вы не собираетесь этого делать. – Он с улыбкой посмотрел на выступающий живот Габриэλλы.

Руфус крепче сжал руку жены.

– Даже если она и попытается от меня сбежать, то не уйдет дальше двери, – заявил он с преж-

ней самоуверенностью.

– Мне повезло, потому что я не собираюсь этого делать, – ответила она с дразнящей улыбкой.

– Я очень рад за вас обоих, – сказал нотариус. – Думаю, мистер Грешем хотел именно этого.

Сидя в своей машине, припаркованной возле офиса Дэвида Брюстера, Руфус посмотрел на нераспечатанное письмо и тепло улыбнулся жене.

– Зная своего отца, я уверен, что он хотел именно этого.

– Открывай, – нетерпеливо произнесла Габриэлла, прислонившись к его плечу.

Мои дорогие Габриэлла и Руфус,

Раз вы читаете это письмо, значит, вы решили не расторгать ваш брак и Дэвид Брюстер уничтожил документы о разводе, которые я попросил его составить на тот случай, если совершил ужасную ошибку.

Эти документы и контракт, согласно которому Габриэлла была должна Джеймсу тридцать тысяч фунтов, были уничтожены пять месяцев назад.

Но судя по тому, что вы читаете мое письмо, я не ошибся, и вы тоже наконец поняли, что созданы друг для друга. Пожалуйста, простите глупого старика за вмешательство, но я люблю вас обоих и желаю вам счастья.

Руфус, Габриэлла мне как родная дочь, и я искренне надеюсь, что ты будешь любить и защищать ее всю свою жизнь.

Габриэлла, Руфус – это сын, которым гордиться любой отец, и я надеюсь, что ты тоже будешь гордиться им и любить его.

Мои дорогие, большего мне было бы трудно и пожелать. Я надеюсь, что вы будете любить друг друга, создадите семью и состаритесь вместе.

Знайте, что я сейчас вместе с моей Хитер, и мы всегда будем с вами.

Я благословляю вас.

Джеймс.

– Боже... – простонал Руфус, глядя на Габриэллу полными слез глазами.

– О Джеймс... – всхлипнула Габриэлла, чувствуя, как по ее щекам текут слезы.

Руфус заключил жену в объятия.

– Ты любовь всей моей жизни, и я клянусь, что не позволю никому обидеть тебя, – торжественно произнес он.

– Я горжусь, что могу называть тебя своим мужем, и обещаю, что буду любить и уважать тебя до конца своих дней, – заверила его Габриэлла, прильнув к нему.

Три месяца спустя у них родился сын Джеймс Хит Грешем, который стал долгожданным пополнением и без того счастливого семейства.

Файл: Кэрл Мортимер - Испытание верностью
Каталог: I:\HARLEQUIN
Шаблон: C:\Documents and Settings\Admin\Application
Data\Microsoft\Шаблоны\Normal.dot
Заголовок: Испытание верностью
Содержание:
Автор: Кэрл Мортимер
Ключевые слова:
Заметки:
Дата создания: 09.09.2011 0:56:00
Число сохранений: 1
Дата сохранения:
Сохранил:
Полное время правки: 0 мин.
Дата печати: 09.09.2011 0:56:00
При последней печати
 страниц: 52
 слов: 26 460 (прибл.)
 знаков: 150 827 (прибл.)